

ПРЯДЬ ОБ ЭЙМУНДЕ СЫНЕ ХРИНГА

Здесь начинается прядь об Эймунде и Олаве конунге

Хринг было имя конунга, что сидел в Уплёнде в Норвегии. Фюльк, которым он правил, назывался Хрингарики¹. Хринг был мудр, и у него было много друзей, то был человек миролюбивый и очень богатый. Он приходился сыном Дагу сыну Хринга, сыну Харальда Прекрасноволосого². Их род считался самым лучшим в Норвегии, и не было ничего почетнее, чем принадлежать к нему. У Хринга было трое сыновей, и все они были конунгами. Одного из них звали Хрёрек, он был самым старшим из братьев, другого звали Эймунд, третьего Даг³. Все они были люди отважные, охраняли владения своего отца и отправлялись в викингские походы, и тем стяжали себе славу. Это было в те времена, когда в Уплёнде правил конунг Сигурд Свинья. Он был женат на Асте дочери Гудбранда, матери конунга Олава Святого⁴. Одну ее сестру звали Торню, она была матерью Халльварда Святого⁵, а другую Исрид, она была бабкой Торира из Стейга⁶.

Когда Олав сын Харальда и Эймунд сын Хринга выросли, они стали побратимами, к тому же они были почти ровесники. Они упражнялись во всех искусствах, владение которыми украшает мужей, и жили попеременно то у Сигурда конунга, то у Хринга конунга, отца Эймунда. Когда же Олав конунг отправился в Англию⁷, Эймунд поехал вместе с ним. А еще там с ними были Рагнар сын Агнара, внук Рагнара Рюккиля, правнук Харальда Прекрасноволосого⁸, и множество других могущественных людей. Чем дальше они странствовали, тем больше славы и известности они приобретали, как это на поверку вышло со святым Олавом конунгом, чье имя стало известно повсюду в северной части света. И когда он получил власть над Норвегией, то подчинил себе всю страну и истребил всех конунгов, правивших в фюльках, о чем рассказывается в его саге, и произошло это при разных обстоятельствах, о которых написали мудрые люди. Причем неизменно говорится о том, как одним утром он отнял владения у пятерых конунгов⁹, по сообщению

же Стюрмира Мудрого¹⁰, всего в стране он лишил власти девятерых конунгов. Одних он приказал убить, других изувечить, а иных изгнал из страны. Эта беда постигла и Хринга с Хрёреком и Дагом, Эймунд же и Рагнар ярл, сын Агнара, когда произошли эти события, были в викингском походе. Хринг и Даг уехали из страны и долго совершали набеги. Затем они отправились на восток в Гаутланд и правили там долгое время¹¹. Хрёрек же конунг был ослеплен и оставался с Олавом конунгом до тех пор, пока не предал его и не стравил между собой его дружинников, так что они поубивали друг друга. А сам он в день Вознесения в алтаре церкви Христа нанес Олаву конунгу удар и порезал парчовое одеяние, которое было на конунге, однако Бог уберег конунга, и он не был ранен¹². Олав конунг разгневался на него за это и с первым же попутным ветром отослал его в Гренландию с Торарином сыном Невьольва¹³. Они, однако, прибыли в Исландию, и Хрёрек оставался с Гудмундом Могучим в Подмаренничных Полях в Островном Фьорде и умер там на хуторе Телячья Кожа¹⁴.

Об Эймунде и Рагнаре

Теперь надо прежде всего рассказать о том, что спустя некоторое время Эймунд и Рагнар приплывают в Норвегию. У них было множество кораблей. Олав конунг был тогда в отъезде. И вот они узнают о тех событиях, о которых было рассказано прежде. Эймунд созывает жителей на тинг и говорит так:

– С тех пор, как мы уехали, здесь в стране произошли большие события: мы потеряли наших родичей, а кое-кто из них подвергся мучениям и был изгнан из страны. Мы понесли урон из-за утраты наших знатных и благородных родичей, и на нас пал позор. Теперь вся власть в Норвегии принадлежит одному конунгу, тогда как раньше она была у многих. Я считаю, что держава, которой правит Олав конунг, мой побратим, находится в хороших руках, хотя мне и кажется, что он проявляет слишком много властолюбия. Я думаю, что был бы у него в чести, однако не считаю заслуживающим получить от него звание конунга.

Тут их друзья принялись убеждать его встретиться с Олавом конунгом и узнать, не пожелает ли тот дать ему звание конунга. Эймунд отвечает:

– У меня нет желания ни самому идти с боевым щитом против Олава конунга, ни оказаться в числе его врагов в неприятельском войске, однако после всего, что недавно произошло между нами, я не собираюсь и сдаваться на его милость или слагать с себя свое высокое звание. Но раз уж мы не ищем примирения с конунгом, что же еще, по-вашему, нам остается делать, как не избегать встречи с ним? Я знаю, что, если бы мы встретились, он оказал бы мне большие почести, потому что я никогда не нападу на его державу. Однако я не уверен, что с моими людьми дела обстояли бы столь же хорошо, когда бы вы увидели, какому унижению подверглись ваши родичи. И ежели вы станете подбивать меня на это, я буду поставлен в трудное положение, – ведь тогда мы будем вынуждены дать клятвы, которые придется сдерживать.

Люди Эймунда сказали на это:

– Что же ты думаешь теперь делать, раз ты не намерен ехать к конунгу и искать с ним примирения? Выходит, ты предпочитаешь покинуть свои владения и отправиться в изгнание, но при этом не собираешься примкнуть к его противникам.

Рагнар сказал:

– Эймунд говорил тут много такого, что мне по душе, и я не стал бы полагаться на наше везение и ожидать, что оно способно пересилить удачу Олава конунга. Мне думается, однако, что если мы оставим наши земли, нам следует позаботиться о том, чтобы в чужих глазах выглядеть позначительнее других торговых людей.

Эймунд сказал:

– Коль скоро вы готовы принять то решение, к которому я склоняюсь, я, если вы пожелаете, расскажу вам, что я задумал. Мне стало известно о смерти Вальдамара конунга¹⁵, что правил на востоке в Гардарике¹⁶, и теперь его держава досталась троим его сыновьям, и обо всех них идет добрая слава. Он же поделил между ними свою державу не поровну, так что теперь один из братьев владеет большей долей, чем двое других. Имя того,

кому досталась большая часть отцовского наследства, Бурицлав¹⁷, и он из них самый старший, второй зовется Ярицлейв¹⁸, а третий Вартилав¹⁹. Бурицлав владеет Кэнугардом²⁰, и это лучшие земли во всей Гардарики. Ярицлейв получил Хольмгард²¹, а третий брат – Пальтескью²² и все прилегающие к нему области. Однако они все еще не пришли между собой к согласию, и меньше всего доволен своей долей тот, кому при разделе отошли самые большие и самые лучшие владения. Он считает, что понес урон от того, что его держава меньше, чем была у его отца, и поэтому ему кажется, что он уступает в могуществе своим предкам. И вот что мне пришло на ум, если только вам это придется по нраву: посетить этих конунгов и остаться у одного из них, и лучше всего у того, кто желает сохранить свои владения и доволен тем, как их отец поделил между ними державу. Нам это пойдет на пользу, и мы сможем стяжать там и богатство, и славу. А теперь мы должны принять решение.

Все они выразили желание так и поступить. Там было много людей, которым хотелось добыть себе добра и возместить тот ущерб, что был им причинен в Норвегии. Они почли за лучшее покинуть страну, нежели остаться и терпеть притеснения от конунга и своих недругов. Поэтому они решили уехать с Эймундом и Рагнаром, и те уплыли из страны с большим и исполненным отваги войском и направились в Восточные Страны²³. Олав конунг узнал об этом только после их отъезда и сказал, что плохо, что они не встретились с Эймундом –

– Потому что мы бы с ним расстались куда большими друзьями, а теперь он, скорее всего, затаил против нас злобу. Из страны уехал человек, которому, как никому другому в Норвегии, мы готовы были оказать всевозможные почести и пожаловать что угодно, кроме звания конунга.

Олаву конунгу доложили о том, что Эймунд говорил на тинге, и конунг сказал, что, похоже, тот принял верное решение, и к этому больше нечего добавить. А теперь рассказ возвращается назад к Эймунду и Рагнару ярлу.

Эймунд приезжает в Гардарики

Эймунд и его спутники не прерывали своего путешествия, пока не прибыли на восток в Хольмгард к Ярицлейву конунгу. Первым делом по просьбе Рагнара они отправляются на встречу с Ярицлейвом конунгом. Ярицлейв конунг был зятем Олава Шведского, он был женат на его дочери Ингигерд²⁴. И когда конунг узнает об их приезде в страну, он посылает к ним людей, поручив передать им предложение жить в мире внутри страны²⁵, а также приглашение пожаловать к нему на отменный пир. Они приняли это приглашение с благодарностью. А когда они сидели и пиروвали, конунг и конунгова жена принялись расспрашивать их о том, что делается в Норвегии, и об Олаве конунге, сыне Харальда. Эймунд отвечал, что о конунге и его привычках можно рассказать много хорошего, и сообщил, что они с ним долгое время были побратимами и товарищами. Однако Эймунд не захотел упоминать ни о чем таком, что ему было не по душе, и о чем уже было рассказано раньше. Эймунд и Рагнар были высокого мнения о конунге и ничуть не худшего о конунговой жене, так как она была исполнена благородства и щедрости. Ярицлейв же конунг не слыл щедрым мужем, но он был мудрым и властным правителем.

Договор Эймунда с Ярицлейвом конунгом

И вот конунг спрашивает их о цели их путешествия и далеко ли они направляются. Они отвечают так:

– Нам стало известно, государь, что вам, возможно, придется уменьшить ваши владения из-за ваших братьев, мы же были выдворены из страны и решили отправиться на восток, сюда в Гардарики, чтобы повстречаться с вами и вашими братьями. Мы намерены присягнуть на верность тому из вас, кто предложит нам наибольший почет и уважение, поскольку мы желаем добыть себе богатство и славу и получить от вас признание и почести. Нам пришло на ум, что вам, возможно, захочется иметь при себе храбрых людей на тот случай, если ваши родичи, те самые, что ныне превращаются в ваших врагов, решатся посягнуть на вашу

честь. Мы предлагаем вам стать защитниками этой державы и наняться к вам на службу, и за это желаем получать от вас золото, серебро и хорошую одежду. Если же вы вдруг решите ответить нам отказом и отвергнуть наше предложение, то мы пойдем служить на тех же условиях другому конунгу.

Ярицлейв конунг отвечает:

– Мы очень нуждаемся в вашей помощи и советах, поскольку вы, норвежцы, люди умные и отважные, но я не знаю, сколько денег вы попросите у нас за вашу службу.

Эймунд отвечает:

– Перво-наперво ты должен будешь предоставить отдельный покой для нас и всех наших людей и позаботиться о том, чтобы у нас никогда не переводились самые лучшие из ваших припасов, что бы нам ни понадобилось.

– На это условие я готов пойти, – говорит конунг.

Эймунд сказал:

– Ты сможешь располагать этими людьми, и в бою они будут идти впереди твоего войска и защищать твою державу. За это ты должен будешь выплачивать каждому нашему воину эйрир серебра²⁶, а каждому кормчому сверх того пол-эйрира.

Конунг отвечает:

– Мы не сможем этого выполнить.

Эймунд сказал:

– Можете, государь, потому что мы готовы принимать эту плату бобровыми и собольими шкурками и другими вещами, которыми богата ваша страна, и оценивать их будем мы сами, а не наши воины. Ежели случится какая-нибудь военная добыча, ты сможешь платить нам из нее, а в случае, если нам придется сидеть без дела, ты сможешь уменьшить нашу долю.

И вот конунг соглашается на это, и было решено, что этот договор будет оставаться в силе в течение двенадцати месяцев.

Эймунд одерживает победу в Гардарике

Эймунд и его люди вытащили на берег свои корабли и хорошенько укрыли их, а Ярицлейв конунг отдал в их распоряжение

каменный покой и приказал завесить его стены драгоценными тканями²⁷. Им предоставляли все, в чем они нуждались, и они получали все самое лучшее. Теперь они проводили все дни в веселье и развлечениях вместе с конунгом и конунговой женой. А когда они пробыли там недолгое время, и их там хорошо принимали, Ярицлейву конунгу пришли письма от Бурицлава конунга, и в них высказывались требования, чтобы тот передал ему некоторые области и торговые места, которые лежали поблизости от его владений, поскольку, как он говорил, ему было бы сподручно собирать с них подати. И вот Ярицлейв конунг рассказывает Эймунду конунгу о том, что от него требует его брат. Тот отвечает:

– Я мало что могу сказать на это, но, коли вы захотите принять нашу помощь, вы можете располагать нами. Если твой брат не просит слишком многого, необходимо ему уступить, однако если, как я подозреваю, он этим не удовлетворится, ты будешь поставлен перед выбором: поступиться своими владениями или идти до конца и доблестно защищать их от братьев силой оружия, с тем чтобы и впредь сохранить свою власть. Было бы менее опасно раз за разом отдавать ему то, что он потребует, но, если ты пойдешь на это, многие люди сочтут такое поведение малодушным и недостойным конунга. И я не знаю, для чего ты держишь здесь иноземное войско, если ты не готов на нас положиться. А теперь тебе придется самому принять решение.

Ярицлейв конунг заявил, что не склонен добровольно уступить свои владения.

Тогда Эймунд говорит:

– Раз так, ты должен сказать посланцам твоего брата, что ты намерен защищать свою державу, ведь, по словам мудрых людей, удача сопутствует тому, кто сражается на своей земле, а не на чужой. И тебе не следует давать ему время на то, чтобы он собрал против тебя войско.

И вот посланцы уезжают восвояси и докладывают своему конунгу о том, как было дело, – что Ярицлейв конунг не желает уступать своему брату ни пяди собственных земель, но готов сразиться с ним, если тот вторгнется в его владения.

Конунг сказал:

– Видно, он рассчитывает получить помощь и подкрепление, раз он собирается сражаться против нас. Уж не явились ли к нему какие-нибудь иноземцы, которые дают ему советы, как упрочить свою власть?

Посланцы говорят, что слыхали, что там будто бы находится норвежский конунг с шестью сотнями норвежцев. Бурицлав конунг сказал, что, должно быть, они ему это и посоветовали. Затем он начинает собирать свое войско.

Ярицлейв конунг велел послать по всей своей стране ратную стрелу, и теперь уже оба конунга принимаются созывать своих людей. Все произошло так, как и ожидал Эймунд: Бурицлав конунг перешел границы своих владений и выступил против своего брата. В том месте, где они встретились, был большой лес, который рос у широкой реки, и оба они разбили свои шатры так, что их разделяла река, и ни у одного из них не было значительного численного перевеса. Эймунд конунг и все норвежцы разбили свои шатры отдельно от других. Так они просидели там спокойно четыре ночи, и ни одна из сторон не затеяла сражения.

Тогда Рагнар сказал:

– Чего мы ждем, и что означает это сидение?

Эймунд конунг отвечает:

– Похоже, наш конунг недооценивает силы своих недрюгов и принимает неверные решения.

Затем они встречаются с Ярицлейвом конунгом и спрашивают, не собирается ли тот вступить в сражение с противником. Конунг отвечает:

– Сдается мне, у нас отличное войско, оно и велико, и надежно²⁸.

Эймунд конунг отвечает:

– Я смотрю на это иначе, государь. Вначале, когда мы только прибыли сюда, мне казалось, что в каждом шатре у них не много народу и что лагерь был разбит в расчете на то, чтобы в нем могло разместиться куда большее войско. Теперь же положение изменилось, и впридачу к прежним они поставили новые шатры, а иные из их воинов расположились еще и за пределами лагеря,

тогда как много вашего люду успело разбежаться по своим округам и вернуться домой, так что на ваше войско положиться нельзя.

Конунг спрашивает:

– Что же нам теперь делать?

Эймунд отвечает:

– Дело обстоит труднее, чем прежде, и, сидя здесь, мы упустили из наших рук победу, однако мы, норвежцы, кое-что предприняли. Мы отвели все наши корабли вверх по реке, и на них наши доспехи. Теперь мы отправимся туда с нашими людьми и нападём на них с тыла, а наши шатры пусть стоят здесь пустые. Вы же должны как можно скорее построить ваше войско в боевой порядок и готовиться к сражению.

Так и было сделано. Был отдан приказ трубить в рог, поднято знамя, и оба войска приготовились к бою. Полки сошлись и завязалась жесточайшая битва, и очень скоро там было перебито множество народу. Эймунд конунг и Рагнар напали на Бурицлава конунга и его людей с тыла, и их натиск был очень силен. Сражение разгорелось жаркое и кровопролитное, и в конце концов боевые порядки Бурицлава конунга расстроились, и его войско обратилось в бегство, Эймунд же конунг прошел сквозь его полки и сразил так много людей, что было бы долго перечислять имена всех, кто там пал. Войско было разбито наголову и те, кто уцелели, не оказав никакого сопротивления, разбежались по полям и лесам, и так спасли себе жизнь. И в то же самое время разнеслась весть, что Бурицлав конунг убит. После этого сражения Ярицлейв конунг захватил огромную добычу. Как считало большинство людей, эта победа была одержана Эймундом конунгом и норвежцами, а потому они заслужили себе большую славу, и это было по справедливости, поскольку, как и во всяком ином деле, так рассудил Господь наш Иисус Христос.

И вот они отправляются домой в свои владения, и в результате этой битвы Ярицлейв конунг не только сохранил свою державу, но и взял большую добычу²⁹.

Совет Эймунда

Остаток лета и зима прошли спокойно, и ничего нового не произошло. Ярицлейв конунг управлял обеими державами, следуя советам Эймунда конунга, и под его присмотром. Теперь норвежцы были в большой чести и пользовались уважением как защитники и советчики конунга, которые принесли ему богатую добычу. Однако они лишились положенного им жалования, так как конунг считал, что теперь, когда другой конунг пал, он нуждается в помощи меньше, чем прежде, и ему казалось, что во всех его владениях водворился мир. А когда истек срок платежа, Эймунд конунг явился к Ярицлейву конунгу и сказал так:

– Мы, государь, уже пробыли в вашей державе некоторое время, и теперь вам предстоит решить, будет ли продлено наше соглашение или вы предпочитаете, чтобы мы с вами расстались и мы подыскали себе другого предводителя, потому что здесь с нами не слишком торопились расплачиваться.

Конунг отвечает:

– Я думаю, что теперь я меньше нуждаюсь в вашей помощи, чем прежде. Для нас оказалось весьма разорительным выплачивать вам столь высокое жалование, какое вы себе потребовали.

– Так и есть, государь, – говорит Эймунд конунг, – потому что с этих пор каждому из наших людей будет причитаться эйрир золота, а каждому кормчему – полмарки золота.

Конунг сказал:

– Раз так, я предпочитаю расторгнуть наш договор.

– Это в вашей власти, – говорит Эймунд конунг. – Однако известно ли вам наверняка, что Бурицлав мертв?

– Я думаю, это правда, – говорит конунг.

Эймунд спрашивает:

– Коли так, он, верно, был достойно погребен. И где же его могила?

Конунг отвечает:

– Это нам точно не известно.

Эймунд сказал:

– Государь, человеку вашего звания подобало бы знать, где был похоронен ваш столь же благородный брат. Я подозреваю,

что ваши люди не сказали вам всей правды и сами не имели достоверных сведений на этот счет.

Конунг сказал:

– Уж не известно ли вам чего об этом деле и не расскажете ли вы нам нечто более правдивое, к чему у нас было бы больше доверия?

Эймунд отвечает:

– Мне передавали, что Бурицлав конунг жив и провел зиму в Бьярмаланде³⁰, и нам достоверно известно, что он собирает против вас огромную рать. И в этом уж точно больше правды.

Конунг спросил:

– И когда же он может нагрянуть на нашу державу?

Эймунд отвечает:

– Мне было сказано, что он может быть здесь спустя три недели.

После этого Ярицлейв конунг не захотел лишаться их помощи. И вот они опять заключают договор на двенадцать месяцев. Затем конунг спросил:

– Как же нам теперь быть? Собрать войско и сразиться с ними?

Эймунд отвечает:

– Таков будет мой совет, если вы желаете защитить Гардарики от Бурицлава конунга.

Ярицлейв спросил:

– Следует ли нам держать свое войско здесь или выступить им навстречу?

Эймунд отвечает:

– Надо созывать всех, кто может явиться, сюда, в город, а когда войско соберется, мы решим, как нам лучше поступить.

Битва между братьями

Сразу же вслед за тем Ярицлейв конунг разослал весть о войне по всей своей державе, и к нему сошлось огромное войско бондов. После этого Эймунд конунг отправляет своих людей в лес и велит им валить деревья, везти их в город и ставить на кре-

постные стены. Он распорядился обращать каждое из них ветвями наружу, чтобы в город не залетали стрелы и копья. Он также приказал выкопать за городскими стенами большой ров, вывезти оттуда землю, а потом наполнить его водой. Затем он велел наложить поверх рва деревья и устроить все так, чтобы его не было видно и казалось, будто там нетронутая земля³¹. И когда со всем этим было покончено, они узнали, что Бурицлав конунг явился в Гардарики и направляется в город, где находились оба конунга. Эймунд конунг и его люди распорядились также хорошенько укрепить двое городских ворот, которые они намеревались защищать, а если придется, уходить через них из города. А вечером накануне того дня, когда ожидали прибытия вражеского войска, Эймунд конунг велел женщинам взойти на крепостные стены, захватив с собой все свои драгоценности, и расположившись там поудобнее, насадить на шесты свои золотые обручья, чтобы их было получше видно³².

– Я ожидаю, – говорит он, – что бьярмам захочется завладеть этими сокровищами, и как только солнце заиграет на золоте и золотом шитье на дорожной одежде, они, ни о чем не подозревая, поспекают к городу.

Все было сделано так, как он сказал. И вот Бурицлав выходит со своим войском из лесу и направляется к городу. Тут они увидели все великолепие города и решили, что это хорошо, что об их приближении не стало известно заранее. Тогда они отважно ринулись вперед, позабыв об осторожности. Множество людей попадало в ров и погибло там, что до Бурицлава конунга, то он находился в задних рядах. Он узнал об этом несчастье и сказал так:

– Похоже, это место не так удобно для нападения, как нам показалось, и эти норвежцы весьма хитроумный народ.

И вот он раздумывает, с какой стороны будет лучше всего напасть, а тем временем все великолепие, которое им было показано, исчезло из виду. Видит он тут, что все городские ворота, кроме двух, стоят на запоре, да и в те проникнуть отнюдь не просто, поскольку они хорошо укреплены и их охраняет множество народу. Вслед за тем раздался боевой клич, и люди в городе готовились к бою. Оба конунга, Ярицлейв и Эймунд, были каждый у своих городских ворот. Началась жестокая битва, и с обеих

сторон было много убитых. В том месте, где находился Ярицлейв конунг, натиск был настолько силен, что нападающим удалось прорваться сквозь ворота, которые он защищал, а сам конунг был тяжело ранен в ногу³³. Прежде чем эти ворота были взяты, там полегло множество народу.

Тогда Эймунд конунг сказал:

– Плохо дело, раз наш конунг ранен, и они перебили много наших людей и теперь проникли в город. А теперь поступай, как тебе больше хочется, Рагнар, – говорит он, – либо обороняй эти ворота, либо отправляйся на подмогу к нашему конунгу.

Рагнар отвечает:

– Я остаюсь здесь, а ты иди к конунгу, так как там могут нуждаться в твоих советах.

Эймунд отправляется туда с большим отрядом и видит, что бьярмы уже в городе. Он напал на них, и его натиск был так силен, что за короткое время они сразили в войске Бурицлава конунга множество людей. Эймунд наступал решительно и подбадривал своих людей идти вперед, и никогда еще не бывало более продолжительного и ожесточенного боя, чем этот. Дело кончилось тем, что все бьярмы, которые еще стояли на ногах, обратились в бегство из города, и Бурицлав конунг бежал, понеся большие потери, а Эймунд конунг и его люди бросились их преследовать и загнали в лес. Они убили знаменосца конунга, и вновь было объявлено, что и сам конунг скорее всего пал, и пришла пора праздновать великую победу.

Эймунд конунг очень отличился в этом сражении, и некоторое время все было спокойно. Они остаются у конунга в большой чести, и все в стране очень их ценят, однако конунг не торопится выплачивать им жалование, и это дело подвигается настолько трудно, что и после наступления назначенного дня, они так и не получили того, что им причиталось.

Об Эймунде

Как-то раз случилось так, что Эймунд конунг беседовал с конунгом и сказал ему, что тот должен заплатить им их жалование,

как и подобает могущественному правителю. Он сказал, что, по его мнению, они добыли ему больше добра, чем та плата, которая была им положена, –

– И мы считаем, что вы поступаете недальновидно, и что, должно быть, вам больше не нужны наша поддержка и помощь.

Конунг говорит:

– Может статься, теперь наши дела пойдут на лад и без вашей поддержки, хотя вы и могли бы оказать нам немалую помощь. Да только мне говорили, будто бы ваше войско испытывает нехватку во всем.

Эймунд отвечает:

– Почему бы это, государь, только вы один должны обо всем судить? Многие из моих людей считают, что они понесли большой урон: кто лишился ноги, а кто руки или какого-либо другого из своих членов, а кто-то потерял свое боевое оружие. Убитки наши велики, и вы все еще могли бы их нам возместить. А теперь вам надобно решить это дело в ту или иную сторону.

Конунг сказал:

– Я не хотел бы, чтобы вы уезжали отсюда, однако мы не станем платить вам такое же большое жалование, зная, что не ожидается никакого немирья.

Эймунд отвечает:

– Мы нуждаемся в деньгах, и мои люди не желают служить только за свое пропитание. Лучше уж мы отправимся во владения других конунгов и поищем себе славы там, да и не похоже на то, чтобы здесь в стране случилась война. А наверняка ли вы знаете, что конунг убит?

– Мы думаем, что это так, – говорит конунг, – поскольку у нас его знамя.

Эймунд спрашивает:

– И вам известно, где его могила?

– Нет, – отвечает конунг.

Эймунд сказал:

– Неразумно ничего об этом не знать.

Конунг говорит в ответ:

– Может быть тебе известно об этом больше, чем другим людям, которые знают правду об этом деле?

Эймунд отвечает:

– Он счел, что будет меньшей потерей лишиться знамени, чем жизни. Сдается мне, что ему удалось бежать, и он провел зиму в Стране Турков, и теперь он вновь намеревается идти на вас войной. У него несметное войско, и в нем турки и валахи³⁴ и множество другого зловердного народу. Я слышал, что он, скорее всего, откажется от христианской веры и в случае, если ему удастся отвоевать у вас Гардарики, намерен поделить страну между этими свирепыми народами. И ежели все произойдет так, как он задумал, тогда он наверняка с позором прогонит из страны всех ваших родичей.

Конунг спрашивает:

– Как скоро он может прибыть сюда с этой зловердной ратью?

Эймунд отвечает:

– Через полмесяца.

– Как же нам теперь быть? – спрашивает конунг. – Ведь теперь нам никак не обойтись без ваших разумных советов.

Рагнар сказал, что он предпочел бы, чтобы они уехали оттуда, и предложил конунгу самому принимать решения. Эймунд сказал:

– Нас станут осуждать, если мы расстанемся с конунгом, когда он находится в опасности, поскольку, когда мы явились к нему, он жил в мире, и я не желаю покидать его иначе, как при условии, что он и после нашего ухода будет оставаться в безопасности. Поэтому нам следует продлить наш с ним договор еще на двенадцать месяцев, а он должен будет увеличить нам жалование, как мы условились прежде. А теперь нам надо принять решение, станем ли мы собирать войско, или вы предпочитаете, государь, чтобы мы, норвежцы, сами защищали страну, а ты будешь сидеть спокойно, ни во что не вмешиваясь, и пустишь в ход свое войско, только если мы потерпим поражение.

– Это мне по нраву, – говорит конунг.

Эймунд сказал:

– Не стоит так с этим спешить, государь. Другое решение – это держать наши войска вместе, и мне оно кажется более разумным. Что до нас, норвежцев, то мы не побегим первыми, хотя мне и известно, что многие при виде наставленных на них копий были бы не прочь это сделать. Однако я не знаю, как на деле

поведут себя те, кому сейчас пуще всех не терпится вступить в бой. И как нам поступить, государь, если мы столкнемся лицом к лицу с конунгом? Следует ли нам убить его или нет? Потому что, покуда вы оба живы, не будет конца этому немирию.

Конунг отвечает:

– Раз уж я побуждаю людей сразиться с Бурицлавом конунгом, я не стану винить их, если он будет убит.

И вот они расходятся по своим покоям и никто из них не велит собирать войска или заняться какими-нибудь иными приготовлениями, и все очень дивятся тому, что ничего не предпринимается, когда на них надвигается такая большая опасность. А спустя короткое время они узнают о том, что Бурицлав конунг вторгся в Гардарики с огромной ратью и что с ним множество свирепого люда. Эймунд конунг сделал вид, что он и ведать не ведает о том, что произошло, и ему об этом ничего не доносили. Многие люди говорили, что он, должно быть, не осмеливается сразиться с Бурицлавом.

Эймунд убил Бурицлава конунга

Как-то раз рано поутру Эймунд призывает к себе Рагнара, своего родича, и еще десятерых человек. Он велит, чтобы им оседлали коней, и вот эти двенадцать выезжают из города, никого больше с собой не взяв, а все прочие остаются в городе. В этой поездке с ними был исландец, которого звали Бьёрн, Гарда-Кетиль³⁵ и Аскель, а также два человека по имени Торд. Они захватили с собой еще одну лошадь, навьючив ее доспехами и провизией. Все они отправляются в путь, переодевшись купцами, и никто не знает, какова цель их поездки и что они задумали.

Они въезжают в лес и едут по нему весь день, пока не наступает ночь. Тогда они выезжают из леса и направляются к высокочному дубу. Рядом лежало прекрасное поле и было широкое открытое место. Тогда Эймунд конунг сказал:

– Здесь мы остановимся. Я слышал, что Бурицлав конунг намеревается разбить в этом месте лагерь и расположиться в нем на ночлег.

Они обходят дерево, выходят на открытое место и начинают раздумывать, где там лучше всего будет разбить шатры. Эймунд конунг говорит:

– Бурицлав конунг скорее всего велит разбить свои боевые шатры здесь. Мне докладывали, что везде, где это только можно, он встает лагерем поблизости от леса, чтобы в случае нужды иметь возможность прибегнуть к какой-нибудь уловке.

Затем Эймунд конунг взял веревку или канат и велел им идти на поляну – «прямоком к тому дереву». Он распорядился, чтобы один из его людей взобрался на ветви дерева и завязал там веревку, и это было исполнено. После этого они наклонили дерево так, что его ветки доставали до земли, и пригнули его до самых корней. Тогда Эймунд конунг сказал:

– Теперь я доволен, и это может сослужить нам хорошую службу.

Потом они закрепили концы веревки, и к середине вечера с этой работой было покончено. Тут они заслышали приближение войска конунга. Тогда они пошли в лес к своим лошадям. Они увидели большое войско и великолепную повозку, за которой следовало множество людей, а впереди нее несли знамя. Как и рассчитывал Эймунд конунг, эти люди завернули на поляну и направились к лесу, прямоком туда, где было наилучшее место для лагеря. Они разбивают там главный шатер, а все войско располагается поодаль от него, у леса. Все это продолжается до наступления темноты. Конунгов шатер отличался роскошью и был сооружен отменно. У него было четыре конца, и над ним возвышался высокий столб, который венчал золотой шар с флюгером. Эймунд и его люди наблюдали из леса за всем, что происходило в лагере, и вели себя тихо. А когда сделалось темно, в лагере зажглись огни, и они поняли, что теперь там идут приготовления к ужину.

Тогда Эймунд конунг сказал:

– У нас мало припасов, и это не годится. Схожу-ка я к тем, кто занят стряпней у них в лагере.

И вот Эймунд одевается нищим, подвязывает себе козлиную бороду и отправляется в путь, захватив с собой два посоха³⁶. Так он является в конунгов шатер и принимается кланчить еду у каж-

дого, кто там был. Затем он направляется в соседние шатры, добывает там вдоволь провизии и благодарит за гостеприимство. После этого он уходит из лагеря, и теперь у них хватает припасов. А когда люди напились и наелись досыта, все стихло. Тут Эймунд конунг разделил свой отряд на две части. Он оставил шесть человек в лесу стеречь лошадей и наказал держать их наготове на случай, если им придется спешно уезжать. Сам же Эймунд с пятью спутниками выходит из лесу и как ни в чем не бывало направляется в лагерь.

Тут Эймунд говорит:

– Пускай теперь Рёгнвальд с Бьёрном и исландцами пойдут к тому дереву, которое мы согнули.

И он вручает каждому из них по топору:

– Не вас учить наносить тяжелые удары, и теперь в этом опять настала нужда.

Затем они подошли к тому месту, где ветви дерева касались земли, и Эймунд конунг сказал:

– Третий человек должен встать здесь, на тропе, что ведет к поляне. Ему ничего не придется делать, только держать в руке веревку и отпустить ее, когда мы за нее потянем, потому что мы будем держаться за другой конец. А когда мы устроим все, как следует, тот, на кого я укажу, должен будет ударить по веревке топорищем. Тому же, кто держит веревку, должно быть понятно, отчего она трясется, – от того ли, что мы ее дернули, или от удара. И как только мы в решающий момент подадим этот знак, коли нам будет сопутствовать удача, тот, кто держит конец веревки, должен будет сказать тому, кто рядом с ним, что получил его, и тогда им нужно будет рубить ветки дерева, так чтобы оно распрямилось сразу и со всей силы.

И вот они поступают так, как им было сказано. Бьёрн отправляется вместе с Эймундом конунгом и Рагнармом. Они подходят к главному шатру и делают петлю на веревке, надевают ее на древки копий, поднимают и накидывают на флюгер, что был сверху на столбе конунгова шатра, так что она оказывается у самого шара. Они продельвают все это бесшумно, пока люди в лагере крепко спят, так как они устали с дороги и напились пьяные. А когда с этим было покончено, они потянули за концы веревки,

укоротив ее таким образом, и условились, что им делать дальше. Эймунд конунг подошел поближе к конунговому шатру, чтобы быть неподалеку, когда он будет сорван. И вот они ударяют по веревке, и тот, кто держал другой ее конец, чувствует, что ее тряхнуло, и говорит об этом тем, кому надлежало рубить. Те принимаются рубить дерево, и оно с силой распрямляется во всю высоту и срывает целиком весь конунгов шатер, унося его далеко в лес. Все огни при этом гаснут. Эймунд конунг еще с вечера хорошенько приметил то место в шатре, где конунгу было устроено ложе. Он направляется напрямик туда и наносит конунгу смертельный удар³⁷, а также убивает многих других, кто там был. Он уносит с собой голову Бурицлава конунга и убегает в лес вместе со своими людьми, так что их было не найти. Оставшиеся в живых люди Бурицлава конунга преисполнились ужасом от этого великого события.

Эймунд же конунг и его спутники уехали прочь и не останавливались, пока ранним утром не прибыли домой. Эймунд идет к Ярицлейву конунгу и сообщает ему всю правду о гибели Бурицлава конунга –

– И вот, взгляните, государь, на эту голову, возможно, вы ее узнаете.

Конунг покраснел, когда увидел голову³⁸. Эймунд сказал:

– Этот великий подвиг, государь, совершили мы, норвежцы. А теперь вам следует приготовить тело вашего брата к погребению и похоронить его, как подобает.

Ярицлейв конунг отвечает:

– Ваш поступок стал для нас большой неожиданностью, и он близко нас касается. И я считаю, вы должны взять на себя приготовления к его погребению. Но что, по вашему, могут теперь предпринять те, кого он привел с собой?

Эймунд отвечает:

– Я догадываюсь, что они соберут сходку и что все они станут подозревать в этом убийстве друг друга – ведь они ничего не знают о нас. Скорее всего они разойдутся, поскольку между ними не будет согласия. Ни один из них не будет доверять другому, и они не пожелают держаться вместе. И я ожидаю, что мало кому из этих людей будет дело до погребения их конунга.

И вот норвежцы уезжают из города и скачут тем же путем через лес, пока не прибывают к месту, где был разбит лагерь. Все произошло ровно так, как и догадывался Эймунд конунг: ратей Бурицлава конунга и след простыл, и они рассеялись из-за раздоров. Эймунд конунг вышел на поляну, и там лежало тело конунга, но никого не было рядом. Затем они приготовили его к погребению, приложили его голову к туловищу и отправились вместе с ним восвояси. После этого он был похоронен, и об этом стало известно многим людям. Тогда все жители страны присягнули на верность Ярицлейву конунгу, и он стал правителем той страны, которая прежде принадлежала им обоим.

Эймунд конунг уезжает от Ярицлейва к его брату

Проходят лето и зима, и все спокойно, и снова им не спешат выплачивать жалование. Кое-кто говорил конунгу, что можно многое припомнить об убийстве его брата и что теперь норвежцы, мол, считают себя выше конунга.

И вот наступает день, когда им должны были заплатить жалование, и они направляются в покой конунга. Он приветствует их и спрашивает, зачем это они пришли к нему в такую рань. Эймунд конунг отвечает:

– Возможно, вы больше не нуждаетесь в нашей помощи, государь, и теперь настало время расплатиться с нами сполна.

Конунг сказал:

– Много всего произошло после вашего приезда.

– Это правда, государь, – говорит Эймунд, – и не будь нашей поддержки, тебя бы давно изгнали из страны. Что же до гибели твоего брата, то и нынче дело обстоит ровно так же, как когда ты дал на нее свое согласие.

Конунг сказал:

– Что же вы теперь собираетесь делать?

Эймунд отвечает:

– А чего бы тебе меньше всего хотелось?

– Сам не знаю, – говорит конунг.

Эймунд отвечает:

– Зато я знаю. Меньше всего тебе хотелось бы, чтобы мы отправились к Вартилаву конунгу, твоему брату. Однако ж мы поедem туда, не откладывая, и подсобим ему чем только сможем. А тебе счастливо оставаться, государь!³⁹

Они поспешно выходят и направляются к своим кораблям, которые успели снарядить заранее.

Ярицлейв конунг сказал:

– Больно уж поспешно они уехали и не по нашей воле.

Конунгова жена говорит в ответ:

– Как бы не вышло так, что после того, как вы с Эймундом конунгом расстались, он будет доставлять вам немало хлопот.

Конунг сказал:

– Хорошо бы от них избавиться.

Конунгова жена отвечает:

– Только прежде, чем это случится, они могут посрамить вас.

После этого она идет в сопровождении Рёгнвальда ярла сына Ульва⁴⁰ и еще нескольких человек на берег, туда, где стояли корабли Эймунда. Им передают, что конунгова жена желает встретиться с Эймундом конунгом.

Тот сказал:

– Не стоит ей верить, потому что она умнее конунга, однако я не стану отказываться от беседы с ней.

– Раз так, я хочу пойти с тобой, – говорит Рёгнвальд.

– Нет, – отвечает Эймунд, – это не вражеская вылазка, так что нет нужды идти к ним на встречу со всей ратью.

На Эймунде был плащ на завязках, а в руке он держал меч. Они уселись на берегу, над местом, которое заливала вода. Конунгова жена и Рёгнвальд ярл расположились так близко от Эймунда, что сидели чуть ли не на его одежде.

Конунгова жена сказала:

– Плохо, что вы с конунгом расстаетесь таким образом. Мне бы хотелось что-нибудь сделать для того, чтобы вы с ним лучше ладили.

Тем временем ни у одного из них руки не оставались без дела: Эймунд распустил завязки на своем плаще, а конунгова жена стянула с руки перчатку и взмахнула ею над головой. Видит тут Эймунд, что дело не обошлось без обмана: а конунгова жена и в

самом деле подговорила людей убить его, и было условлено, что она подаст им знак, махнув перчаткой. Те тотчас же бросились к нему, однако Эймунд заметил их раньше, чем они подбежали. Он проворно вскакивает, и прежде, чем они опомнились, от него всего-то и осталось, что плащ. Так им и не удалось расправиться с ним⁴¹. Рагнар увидел это и побежал с корабля на берег, а за ним один за другим устремились и все остальные. Они хотели убить людей конунговой жены, однако Эймунд заявил, что этому не бывать. Они столкнули их вниз с глиняного берега и схватили.

Рагнар сказал:

– На этот раз, Эймунд, мы не станем просить у тебя совета, что нам предпринять. Мы намерены увезти их⁴² с собой.

Эймунд говорит в ответ:

– Нам не пристало это делать, и пускай они отправляются домой с миром, потому что я не хочу вот так разорвать мою дружбу с конунговой женой.

И вот она возвращается домой, недовольная тем, как все обернулось, а они уплывают прочь и нигде не останавливаются, пока не прибывают во владения Вартилава конунга и не отправляются на встречу с ним. Он их радушно принял и стал расспрашивать о новостях, и Эймунд рассказал ему от начала до конца обо всем, что произошло между ними и Ярицлейвом конунгом.

– Что же вы теперь намерены делать? – спрашивает конунг.

Эймунд отвечает:

– Я пообещал Ярицлейву конунгу, что мы отправимся к вам, поскольку я подозреваю, что ему захочется уменьшить твои владения и он попытается поступить с тобой так же, как его брат поступил с ним. А теперь, государь, вам решать, нужна ли вам наша поддержка, и что вы предпочитаете: чтобы мы остались с вами или уехали.

– Да, – говорит конунг, – нам бы очень пригодилась ваша помощь. А что вы желаете получить взамен?

Эймунд отвечает:

– Мы бы хотели служить тебе на тех же условиях, на которых мы служили твоему брату.

Конунг сказал:

– Дайте мне немного времени, чтобы я мог посоветоваться с моими людьми: ведь хотя расплачиваться буду я, выкладывать деньги придется им.

Эймунд конунг согласился с этим. Вартилава конунг собирает своих людей на сходку и рассказывает им о том, что ему стало известно о намерениях Ярицлейва конунга, его брата: как тот зарится на его владения, – и говорит, что приехал Эймунд конунг и предлагает им свою защиту и поддержку. Те стали горячо уговаривать конунга принять предложение норвежцев. И вот они заключают соглашение, и конунг делает Эймунда своим советником –

– Потому что я не столь находчив, как Ярицлейв конунг, мой брат, а вы его в этом превзошли. Мы желаем почаще беседовать с вами и обещаем расплачиваться с вами в срок.

Их там хорошо принимают, и они живут в большой чести у конунга.

Примирение братьев Ярицлейва и Вартилава

И вот однажды случилось так, что туда явились посланцы Ярицлейва конунга и потребовали у Вартилава конунга отдать ему деревни и города, которые лежали у границы его владений. Он обращается за советом к Эймунду конунгу. Тот говорит в ответ:

– Это вам решать, государь.

Конунг говорит:

– Напоминаю тебе о нашем уговоре – ты обязался давать нам советы.

Эймунд отвечает:

– Сдается мне, государь, что с жадным волком не избежать схватки. Ежели уступить ему, то он вскорости потребует от вас еще большего. Пускай его посланцы едут домой с миром, – говорит он, – тогда конунг и конунгова жена решат, что им известно, что мы задумали. Сколько вам потребуется времени, чтобы собрать войско?

– Полмесяца, – отвечает конунг.

Эймунд говорит:

– А теперь скажите, государь, какое место вы намерены выбрать для сражения, и объявите об этом посланцам, чтобы они могли передать это своему конунгу.

Так и было сделано, и посланцы уехали восвояси. И вот оба войска готовятся к сражению⁴³ и сходятся в назначенном месте на границе. И те и другие разбивают лагерь и стоят там несколько ночей.

Вартилав конунг сказал:

– Зачем мы сидим здесь попусту? Этак мы упустим из рук победу.

Эймунд сказал:

– Позволь мне решать, что нам делать, так как промедление лучше беды. Сюда еще не прибыла Ингигерд конунгова жена, а ведь, хотя предводитель их войска конунг, на самом деле это она принимает там все решения. Я буду стоять на страже, государь.

Конунг отвечает:

– Поступай, как знаешь.

Так они простояли там с войском семь ночей. Однажды ночью было ненастно и очень темно. Эймунд конунг и Рагнар покинули своих людей и отправились в лес. Они подъехали к лагерю Ярицлейва конунга с тыла и засели там у дороги.

Эймунд конунг сказал:

– Должно быть, люди Ярицлейва конунга поедут этой дорогой, и если бы я желал остаться незамеченным, то выбрал бы ее. Подождем пока здесь.

А когда они просидели там некоторое время, Эймунд конунг сказал:

– Неразумно здесь оставаться.

Сразу вслед за тем они слышат, что кто-то едет и что среди этих людей есть женщина. Они видят, что один человек едет впереди этой женщины, а другой позади. Тогда Эймунд конунг сказал:

– Должно быть, это едет конунгова жена. Встанем по обе стороны дороги, а как только они поравняются с нами, убейте под ней коня, а ты, Рагнар, схвати ее.

Тё проезжают мимо и ничего не замечают, пока не обнаруживают, что конь конунговой жены пал, а ее самой и след простыл.

Один из сопровождавших ее людей говорит, что видел, как кто-то мелькнул на дороге. Они не отважились явиться к конунгу, а сами и ведать не ведали, кто бы это мог совершить – люди или тролли. И вот они тайком воротились домой и никому ничего не сказали.

Конунгова жена говорит названным братьям:

– Видно, вы, норвежцы, никогда не перестанете меня унижать.

Эймунд сказал:

– Мы, государыня, обещаем хорошо с вами обращаться, однако я не знаю, как скоро вы теперь сможете расцеловать конунга.

Затем они отправляются в лагерь Вартилава конунга и сообщают ему о приезде конунговой жены. Он обрадовался этому и взялся сам ее сторожить. А наутро она призывает к себе Эймунда конунга, и когда они встретились, конунгова жена говорит:

– Лучше бы нам помириться, и я предлагаю рассудить вас. Но прежде я должна объявить вам, что намерена во всем поддерживать Ярицлейва конунга.

Эймунд конунг отвечает:

– Это уж как конунг решит.

Конунгова жена отвечает:

– И все же твой совет имеет большой вес.

После этого Эймунд встречается с Вартилавом конунгом и спрашивает у него, желает ли тот, чтобы конунгова жена рассудила их.

Конунг отвечает:

– Я бы не назвал это разумным, так как она уже пообещала уменьшить нашу долю.

Эймунд спрашивает:

– Готов ли ты удовольствоваться тем, что тебе будут принадлежать земли, которыми ты владел прежде?

– Да, – говорит конунг.

Эймунд сказал:

– А я бы не назвал достойным решение, при котором твоя доля не увеличится, потому что у тебя такие же права на наследство, оставшееся после твоего брата, как и у Ярицлейва конунга.

Конунг отвечает:

– Раз по-твоему я должен согласиться с тем, чтобы решение выносила она, пусть так и будет.

И вот Эймунд конунг объявляет конунговой жене, что получено согласие на то, чтобы она рассудила конунгов.

– Видно, это было сделано по твоему совету, – говорит она, – и ты увидишь, каково будет мое решение и кто будет от него в меньшем убытке.

Эймунд конунг сказал:

– Я не стал разубеждать конунга оказать вам эту честь.

Затем протрубили к встрече и объявили, что Ингигерд конунгова жена намерена обратиться к конунгам и их людям. А когда оба войска были в сборе, все увидели, что Ингигерд конунгова жена находится у норвежцев, в дружине Эймунда конунга. Тут от имени Вартилава конунга было предложено, чтобы конунгова жена вынесла решение. И вот она говорит Ярицлейву конунгу, что ему достанется самая лучшая часть Гардарики, а именно Хольмгард. Вартилаву же отойдет Кэнугард⁴⁴ – и это также наилучшие владения – со всеми данями и податями –

– И эти владения вполнину больше тех, которые у него были прежде. Что же до Пальтескью и прилегающих к нему земель, то их получит Эймунд конунг. Он станет тамошним правителем⁴⁵, и ему будут принадлежать без изъятия все подати, какие с них причитаются, так как мы не хотим, чтобы он уезжал из Гардарики. В случае, если Эймунд конунг оставит наследников, то после него этими землями станут владеть они, но если он не оставит после себя сына, эти земли отойдут назад к обоим братьям, Ярицлейву и Вартилаву. А еще Эймунд конунг должен будет нести охрану владений братьев и всей Гардарики, а они должны будут помогать ему людьми и силой. Ярицлейв конунг будет править Гардарики, а Рёгнвальду ярлу по-прежнему будет принадлежать Альдейгьюборг⁴⁶.

Эти условия мира и раздел державы были приняты и одобрены всем народом. Эймунд конунг и Ингигерд конунгова жена должны были решать все трудные дела. Затем все они разъехались по домам, каждый в свои владения.

Вартилав конунг прожил не более трех зим⁴⁷. После этого он заболел и умер, и это был конунг, которого все очень любили. После его смерти его владения отошли Ярицлейву конунгу, и с той поры он стал в одиночку править обеими державами⁴⁸. Эймунд же конунг управлял своими владениями и не дожил до старости. Он умер от болезни, не оставив после себя наследников, и весь народ счел его смерть величайшей утратой, так как не бывало еще в Гардарике чужестранца умнее Эймунда конунга, и пока он нес охрану страны для Ярицлейва конунга, на Гардарике никто не нападал. А когда Эймунд конунг заболел, он передал свои владения Рагнару, своему названому брату, поскольку Эймунду больше всего хотелось, чтобы они достались ему. Это было сделано с дозволения Ярицлейва конунга и Ингигерд конунговой жены.

Рёгнвальд сын Ульва был ярлом Альдейгьюборга. Они с Ингигерд конунговой женой были двоюродными братом и сестрой, их матери были сестрами⁴⁹. Он был могущественным предводителем и данником Ярицлейва конунга и дожил до старости. А когда святой Олав сын Харальда был в Гардарике⁵⁰, он жил у Рёгнвальда сына Ульва, и между ними была тесная дружба, так как все знатные люди очень ценили Олава конунга, когда он там был, но больше всех остальных Рёгнвальд ярл и Ингигерд конунгова жена, потому что они любили друг друга тайной любовью⁵¹.

Комментарии

«Прядь об Эймунде сыне Хринга» («Eymundar þáttur Hringssonar») сохранилась в единственной редакции в «Книге с Плоского Острова». Р. Кук датирует прядь XIV в., Херман Паульссон и П. Эдвардс (см. ниже) относят ее создание ко второй пол. XIII в. «Прядь об Эймунде» (за немалый объем издатели и переводчики нередко именуют ее сагой) – единственное произведение древнеисландской литературы, основным местом действия которого была Древняя Русь, а главным героем – предводитель варяжских наемников, находящихся на службе «в Гардарики». Также и в основе сюжета рассказа лежит «русская тема» – усобицы между правившими в Киеве, Новгороде и Полоцке наследниками князя Владимира Святославича, которые происходили в 1015–1024 гг. и в конечном счете привели к верховной власти его сына, Ярослава Мудрого. Не случайно с момента первого появления «Пряди об Эймунде» на русском языке (в переводах с лат. Д. Лавдовского и с др.-исл. О.И. Сенковского, опубликованных в 1834 г.) она неоднократно становилась предметом научного изучения и рассматривалась в качестве важного источника по истории Древней Руси.

Историческая достоверность исландского рассказа о событиях, происходивших за пределами Скандинавии и имевших место за три сотни лет до создания его окончательной редакции, – вопрос, несомненно, спорный, как спорно и то, что следует ожидать исторической точности от литературного произведения, очевидным образом демонстрирующего характерные условности своего жанра (достаточно назвать обычно упоминаемые в этой связи троекратные повторения, сопровождающиеся традиционным в таких случаях нарастанием напряжения, и симметричную композицию в трех эпизодах, посвященных пребыванию Эймунда на службе у Ярицлейва), а также обнаруживающего целый ряд вполне конкретных параллелей в других исландских текстах. Это же относится и к фигуре главного героя рассказа, конунга Эймунда, правителя одной из областей Норвегии, лишившегося своих наследственных владений на родине и в связи с этим отправившегося завоевывать себе славу и богатство на чужбине. За взаимоотношениями этого персонажа с русским князем легко просматриваются контуры традиционных коллизий, изображаемых в прядях (особенно в самой влиятельной их разновидности – «прядях о поездках из страны»), а именно, конфликт между предприимчивым и храбрым протагонистом и уступающим ему как в уме, так и в доблестях правителем, который в конечном счете вынужден признать превосходство героя и вознаградить его по заслугам. И все же, хотя главная тема рас-

сказа вполне «литературна», – успех прозорливого и хитроумного норвежского военачальника, которого он добивается, охраняя земли русских князей, за что получает от них новые владения взамен утраченных на родине, – это не исключает возможной реальной подоплеки истории об Эймунде. Сопоставление по крайней мере части описываемых в пряди событий с сообщениями летописцев приводит к выводу о вероятном бытовании устных рассказов об участии скандинавских наемников в междоусобицах Ярослава Мудрого, Святополка Окаянного и их брата Бориса (1015–1019 гг.), а возможно также и о битвах Ярослава с Брячиславом Изяславичем (1021 г.) и Мстиславом Владимировичем (1024 г.), которые могли быть основаны на свидетельствах непосредственных участников этих событий, впоследствии использованных при создании повествования об Эймунде.

Подробный перечень исследований, посвященных «Пряди об Эймунде», содержится в работах: *Cook R. Russian history, Icelandic story, and Byzantine strategy in Eymundar þáttur Hringssonar // Viator. 1986. Vol. 17. P. 65–89; Vikings in Russia: Yngvar's Saga and Eymund's Saga / Transl. and introd. by Hermann Palsson and P.G. Edwards. Edinburgh, 1989; библиографию новейших работ см. в кн.: Михеев С.М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009 и в статье: Мельникова Е.А. Композиция и состав «Саги об Эймунде сыне Хринга» // Висы дружбы. Сб. статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 255–268.*

«Прядь об Эймунде» – первое произведение древнескандинавской литературы, переведенное на русский язык непосредственно с исландского оригинала: *Сенковский О.И. Eymundar Saga. Эймундова сага // Библиотека для чтения. СПб., 1834. Т. 2, отд. III. С. 1–71* (этот перевод неоднократно переиздавался; см. также пер. с лат.: *Эймундова сага / Пер. Д. Лавдовского // Учен. зап. имп. Московск. ун-та. 1834. Ч. III. N 8. С. 386–401; N 9. С. 576–596*). Второй перевод, выполненный Е.А. Рыдзевской (1890–1940), был впервые опубликован посмертно в кн.: *Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. (материалы и исследования). М., 1978. С. 89–104*. Этот же перевод с некоторыми уточнениями вместе с оригиналом и комментарием был впоследствии издан Т.Н. Джаксон (см.: *Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1994. С. 91–104, 104–119*). Публикуемый здесь перевод сделан по изд.: *Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / Ed. E. Gardiner. Reykjavík, 1949. Bls. 102–128* (оригинальный текст сверен с изданием *Flat. II, 118–134*) и печатается впервые.

- ¹ Хринг было имя конунга, что сидел в Уплёнде в Норвегии. Фюльк, которым он правил, назывался Хрингарики – Уплёнд – область в центральной Норвегии, в которую входит ряд земель (фюльков). Хрингарики – фюльк на юго-востоке Норвегии. Согласно сообщениям «Саги об Олаве Святом», Хринг правил не Хрингарики, а Хейдмёрком, фюльком, лежащим севернее Хрингарики (ср. КЗ, 184). По всей видимости, автор пряди заменил Хейдмёрк на Хрингарики, поскольку это название (букв. «владения Хринга») отвечает имени конунга.
- ² приходился сыном Дагу сыну Хринга, сыну Харальда Прекрасноволосого – В исландских сагах, и особенно в «сагах о конунгах», имеются многочисленные и не поддающиеся проверке сообщения о принадлежности тех или иных представителей норвежской знати к роду основателя королевской династии Харальда Прекрасноволосого (ум. ок. 940 г.).
- ³ У Хринга было трое сыновней... Хрёрек, он был самым старшим из братьев, другого звали Эймунд, третьего Даг – По другим сообщениям (ср. «Сага об Олаве Святом», гл. 36: КЗ, 184), Хринг и Хрёрек были братьями, причем и тот и другой, а также Даг неоднократно упоминаются в жизнеописании Олава (см. следующие примеч.). В отличие от них, герой пряди, Эймунд, не фигурирует в биографии Олава за исключением одного упоминания его имени в «Саге об Олаве Святом» в редакции «Книги с Плоского Острова», где сказано, что Олав ослепил Хрёрека, но не захотел убивать его «ради Эймунда, его (т. е. Хрёрека. – Е. Г.) брата и побратима Олава, который был тогда в военном походе» (*Flat.* II, 66–67). Поскольку это замечание полностью соответствует сообщению нашего рассказа, не исключена вероятность, что оно было добавлено компилятором книги, почерпнувшем его непосредственно из вставленной им же в эту сагу «Пряди об Эймунде». Иначе, как полагает Р. Кук, отсутствие упоминаний об Эймунде в жизнеописании Олава может объясняться тем, что Эймунд навсегда покинул страну и их с Олавом пути более никогда не пересекались (*Cook R. Russian history... P. 67 f.*). В «Саге об Ингваре Путешественнике» (и это также подтверждается двумя шведскими руническими надписями, найденными в Сёдерманланде) отец Ингвара носит имя Эймунд, причем утверждается, что, подобно герою пряди, он поддерживал Ярицлейва в борьбе с его братом Бурицлавом. Правда, в этой саге он назван Эймундом сыном Аки (а не Эймундом сыном Хринга, как в пряди), однако и в одном из эпизодов «Саги об Олаве Святом» в «Книге с Плоского Острова» (гл. 15) Олав называет своим побратимом Эймунда сына Аки (*Eymundr Akason*) (*Flat.* II, 14). Р. Кук видит за этим разночтением рефлекс, возможно не связанных между собой устных версий преданий об Эймунде – норвежской, нашедшей отражение в пряди, и шведской, использованной в «Саге об Ингваре Путешественнике» (см. об этом подробнее: *Saga об Ингваре Путешественнике: Текст. Перевод. Комментарий / Г.В. Глазырина. М., 2002. С. 62–68, 278–280*). Обращают на себя внимание и некоторые аналогии в предыстории Эймунда сына Хринга и Эймунда сына Аки – оба возводят свой род к конунгам (шведским и норвежским соответственно), оба оказываются изгнанниками и возглавляют варяжскую дружину

- в Гардарики (на Руси). Согласно «Саге об Ингваре Путешественнике», Эймунд был сыном Аки, знатного мужа из Швеции, и не названной по имени дочери шведского конунга Эйрика Победоносного, которую Аки увез силой, вопреки воле конунга, за что впоследствии был убит по его приказу. В саге сказано, что Эймунд рос «при конунге в большом почете» до самой смерти конунга Эйрика, однако, повзрослев, припомнил сыну Эйрика, Олаву Шведскому, свои обиды и утраченные владения, вступил с ним в бой, но потерпел поражение, был ранен, подобран и вылечен дочерью конунга Олава, Ингигерд, вскоре после этого ставшей женой Ярицлейва – Ярослава Мудрого (и героиней «Пряди об Эймунде»), и в конце концов изгнан из страны (Сага об Ингваре. С. 250–251). Эймунд ходит в викингские походы, а когда узнает о замужестве Ингигерд, отправляется на Русь, где он был хорошо принят Ярицлейвом и Ингигерд, «так как в то время большое немирье было в Гардарики из-за того, что Бурицлейв, брат конунга Ярицлейва, напал на государство. Эймунд провел с ним пять битв...» (С. 252). По утверждению саги, Эймунд получил на Руси «огромное богатство серебром и золотом, и различными драгоценностями и дорогими предметами», был в Хольмгарде (Новгороде), «и провел много битв, и во всех побеждал, и отвоевал и вернул конунгу много земель, плативших дань» (Там же). После этого он отправился назад в Швецию, вернул себе свои владения и примирился с конунгом Олавом. Как полагает Р. Кук, наиболее вероятно шведское происхождение легенды об Эймунде, а также то, что скандинавская дружина, предводительствуемая Эймундом, в действительности состояла не из норвежцев, а из шведов. По мнению Хермана Паульссона и П. Эдвардса (*Vikings in Russia. P. 8 f.*), Эймунд сын Хринга – вымышленный персонаж, имя которого автор пряди мог почерпнуть из старинных генеалогий (среди прочих, известных из «Младшей Эдды»), которые упоминают некоего «конунга Эймунда из Хольмгарда», чью дочь взял в жены легендарный правитель Хальвдан Старый, ходивший «походами далеко в Восточные Страны» (*МЭ*, 169).
- ⁴ в Уплёнде правил конунг Сигурд Свинья. Он был женат на Асте дочери Гудбранда, матери конунга Олава Святого – Сигурд Свинья – сын Хальвдана, внук Сигурда Хриси и правнук Харальда Прекрасноволосого. Согласно «Саге об Олаве сыне Трюгви» (гл. 60: КЗ, 137), Сигурд был конунгом в Хрингарики и поддерживал своего пасынка Олава в его борьбе за власть в Норвегии. От брака Сигурда и Асты дочери Гудбранда Шишки, матери конунга Олава сына Харальда (Святого), родился норвежский конунг Харальд Суровый.
- ⁵ Одну ее сестру звали Торню, она была матерью Халльварда Святого – Согласно краткой латинской легенде, сохранившейся в единственной утрехтской рукописи (*Monumenta Historica Norvegiæ / Udg. G. Storm. Kristiania, 1880. S. 155–158*), св. Халльвард был купцом и сыном знатных родителей – Вебьерна из Хусабю и Торню дочери Гудбранда, тетки конунга Олава Святого. Как рассказывается, он принял мученическую смерть на корабле, пытаясь спасти от преследователей напрасно обвиненную в воровстве женщину и ее еще не рожденного ребенка (исландские анналы датируют его убийство 1043 г.);

- св. Халльвард поэтому считается заступником невинных людей. Культ св. Халльварда получил распространение в восточной Норвегии с сер. XI в., в дальнейшем его стали почитать как святого покровителя Осло. Написанная в Исландии более пространная «Сага о Халльварде» (XIV в.) ныне практически полностью утрачена – от нее сохранились лишь начальные и конечные строки.
- 6 *Исрид, она была бабкой Торира из Стейга* – В «Саге об Олаве Святом» (гл. 128: КЗ, 279) сообщается о том, что Олав, ища поддержки влиятельных людей Норвегии, выдал замуж свою тетку Исрид дочь Гудбранда Шишки за Торда сына Готхорма, жившего в усадьбе Стейг в Гудбрандсдалир (в северном Упплэнде). Упомянутый здесь Торир из Стейга, сын Торда и внук Торда и Исрид, был воспитателем внука Харальда Сурового, Хакона сына Магнуса, прозванного Хаконном Воспитанником Торира (правил в Норвегии 1093–1094). После смерти Хакона Торир враждовал с норвежским конунгом Магнусом Голоногим и был в результате казнен (см. «Сага о Магнусе Голоногим», гл. 2–6: КЗ, 468–470).
- 7 *Олав конунг отправился в Англию* – В «Саге об Олаве Святом» (гл. 4–20) рассказывается о юношеских походах Олава на восток и на запад и, в частности, о том, как он с дружиной норвежцев провел три зимы в Англии, помогая конунгу Адальраду (Этельреду Неразумному, 978–1016) отвоевать страну у датчан, и вплоть до смерти этого короля «нес оборону Англии», обходя ее «по берегу на боевых кораблях» и собирая дань (КЗ, 173–174).
- 8 *Рагнар сын Агнара, внук Рагнара Рюккиля, правнук Харальда Прекрасноволосого* – Как следует из «Саги о Харальде Прекрасноволосом» (гл. 21: КЗ, 53), этот потомок Харальда происходил от его брака со Сванхильд, дочерью Эйстейна ярла. Высказывалось предположение (Vikings in Russia. P. 9), что Рагнар сын Агнара – вымышленный персонаж, чье имя может быть возведено к Агнару сыну Рагнара, одному из героев «Саги о Рагнаре Лодбroke».
- 9 *одним утром он отнял владения у пятерых конунгов* – Имеется в виду эпизод, описанный в гл. 74–75 «Саги об Олаве Святом» (КЗ, 212–214), в котором рассказывается о заговоре конунгов, правивших в расположенных по соседству областях центральной Норвегии (Хейдмёрке, Раумарики, Гудбрандсдалир и Хадаланде). Все они были захвачены Олавом, когда собрались в Хрингискаре в Хейдмёрке у конунга Хрёрека, и понесли суровую расплату: «Хрёрек конунг был человеком очень умным и решительным, и Олав конунг считал, что на него нельзя будет положиться, даже если он заключит с ним мир. Поэтому он приказал выколоть Хрёреку оба глаза и оставил его при себе. Гудрёду конунгу из Долин он велел отрезать язык. С Хринга и еще двух конунгов он взял клятву, что они уедут из Норвегии и никогда не вернутся назад. Лендрманнов и бондов (т. е. предводителей и свободных хозяев. – Е.Г.), которые участвовали в заговоре, он либо изгнал из страны, либо велел изувечить, а некоторых он пощадил». Это происшествие упоминается в стихах исландского скальда Оттара Черного, которые цитируются в «Круге Земном» (ср. «Князь, ты занял земли / Пятерых...», пер. О.А. Смирницкой).
- 10 *по сообщению же Стюрмира Мудрого* – Рассказчик ссылается на жизнеописание (lifssaga) Олава Святого, составленное ок. 1220 г. ученым аббатом Стюрмиром Мудрым сыном Кари (ум. 1245 г.). От этого сочинения сохранились лишь фрагменты.
- 11 *Хринг и Даг уехали из страны... на восток Гаутланда и правили там долгое время* – В «Саге об Олаве Святом» (гл. 199: КЗ, 345) утверждается, что «Хринг и его сын Даг обосновались в Швеции и получили там владения», а также приводится генеалогия Хринга, совпадающая с начальным сообщением пряди. В редакции жизнеописания Олава Святого в «Круге Земном» Хринг более не упоминается, тогда как о Даге рассказывается, что он впоследствии становится сторонником Олава и оказывает ему военную поддержку (см. о нем подробнее в «Саге об Олаве Святом», гл. 199, 205, 209, 224, 227, 229, 232, 233, 235: КЗ, 345–367). Согласно более ранней «Легендарной саге об Олаве Святом» (гл. 75), и Хринг, и Даг стали сподвижниками Олава и отправились вместе с ним в изгнание на Русь, причем оба они затем упоминаются как участники битвы при Стикластадире в стихах Тормода Скальда Чернбровой (цитируемых в той же саге, гл. 96; Skj В I, 265, 22), а Даг – в стихах Сигвата сына Торда в «Круге Земном» (КЗ, 367), сообщающих о поражении конунга и бегстве Дага, которому, в отличие от Олава, удалось спастись.
- 12 *Хрёрек же конунг... не был ранен* – О неоднократных попытках Хрёрека отомстить его родичу Олаву, подстроенном им убийстве дружинников конунга, не удавшейся попытке бегства и, наконец, нападении на конунга во время мессы подробно рассказывается в «Саге об Олаве Святом» (гл. 81–84: КЗ, 220–225).
- 13 *с Торарином сыном Невьольва* – Об этом исландце имеется отдельная прядь. Согласно «Саге об Олаве Святом» (гл. 85), конунг Олав поручил Торарину сыну Невьольва отвезти Хрёрека в Гренландию, а в случае невозможности добраться туда – в Исландию и передать его там знатному человеку, который согласится его принять, за что велел пообещать этому лицу свою дружбу; если же их корабль отнесет в какую-нибудь другую страну, конунг велел Торарину позаботиться о том, «чтобы Хрёрек не вернулся живым в Норвегию», но сделать это только в крайнем случае (ср. КЗ, 226).
- 14 *с Гудмундом Могучим в Подмаренничных Полях в Островном Фьорде и умер там на хуторе Телячья Кожа* – Гудмунд Могучий сын Эйольва – могущественный и родовитый исландец, персонаж многих саг; Подмаренничные Поля – хутор Гудмунда; Островной Фьорд – фьорд в северной части Исландии. По сообщению «Саги об Олаве Святом» (гл. 85), Хрёрек скончался спустя три года после прибытия в Исландию. Ему не понравилось жить у Гудмунда, и тогда тот поселил его на небольшом хуторе под названием Телячья Кожа. «Он говорил, что, с тех пор как он потерял свои владения, ему больше всего понравилось жить там, потому что он был там самым уважаемым человеком. Летом Хрёрек заболел и умер. Говорят, что он – единственный конунг, похороненный в Исландии» (КЗ, 227).

- 15 *Вальдамара конунга* – Вальдамар – великий князь киевский Владимир Свято-славич (978 – 15 июля 1015).
- 16 *Гардарики* – Garðaríki – древнескандинавское обозначение Древней Руси (также нередко *Гарды*, *Garðar*), букв. «страна укреплений».
- 17 *Бурицлав* – Принято считать, что за этим персонажем пряди вероятнее всего стоит Святополк Владимирович, прозванный Окаянным, князь туровский (1015–1019), затем великий князь киевский. Замену имени объясняют тем, что значительную роль в его борьбе против Ярослава играл тесть Святополка, польский князь Болеслав I Храбрый (992–1025), причем при описании их столкновений с Ярославом «Повесть временных лет» обычно говорит о «Болеславе и Святополке», ставя имя Болеслава первым (ср. сообщение, относящееся к 1018 г.: «Пришел Болеслав на Ярослава со Святополком и с поляками. Ярослав же, собрав русь, и варягов, и словен, пошел против Болеслава и Святополка», *пер. Д.С. Лухачева*: Повесть временных лет. М.; Augsburg, 2003. С. 45; Интернет-ресурс: http://imwerden.de/pdf/povest_vremennyx лет.pdf). Согласно другой гипотезе (см. подробно: *Михеев С.М.* Указ. соч. С. 195–264), под именем Бурицлав в пряди скрывается не только Святополк, но и другой сын Владимира, Борис (по сообщению летописца, злодейски убитый по приказанию Святополка и впоследствии объявленный святым), причем и само скандинавское *Búrizlafr*, как полагают, вполне могло происходить от славянского имени *Борисъ* с добавлением к нему второго элемента *-leifr / -láfr*, соответствующего славянскому *-слав*; см. об этом: *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006. С. 52 (примеч. 39). Имя Бурицлав упоминается и в других исландских текстах, например в «Саге о йомсвикингах» (гл. 23 и др.; см.: *Джаксон Т.Н.* Указ. соч. С. 162 сл.).
- 18 *Ярицлейв* – русский князь Ярослав Владимирович Мудрый, новгородский правитель (1010–1016), великий князь киевский в 1016–1018, 1018/1019 – 20 февраля 1054 г. (о сообщениях о нем в древнескандинавских источниках см.: *Джаксон Т.Н.* Указ. соч. С. 156 сл.).
- 19 *Вартилава* – Предполагается, что за этим персонажем пряди стоят два исторических лица: полоцкий князь Брячислав Изяславич (ум. в 1044 г.), который в действительности был племянником Ярослава Мудрого (от его имени образовано имя *Вартилава*), и Мстислав Владимирович, князь тмутараканский, который, подобно Вартилаву в пряди, заключил мир с Ярославом (в 1026 г.) и чьи владения тот затем унаследовал (см.: *Cook R.* Russian history... P. 69). Высказывалось, однако, мнение (*Vikings in Russia*. P. 13, 42 n. 13), что третий брат, Вартилава, – вымышленный персонаж, причем указывалось на пристрастие автора пряди ко всякого рода триадам, в том числе и на то, что главный герой рассказа, Эймунд, также представлен как один из трех братьев-конунгов, лишившихся своих владений в Норвегии. Известно, что у князя Владимира было не трое, а до 13 сыновей.
- 20 *Кэнугардом* – Кэнугард – древнескандинавское обозначение Киева. Приведенные автором пряди сведения о разделе русских земель между потомками кня-

- зя Владимира соответствуют сообщениям «Повести временных лет»: Ярослав (Ярицлейв) первоначально сидел в Новгороде (Хольмгарде), Брячислав (Вартилава) был князем полоцким, «Святополк же окаянный стал княжить в Киеве».
- 21 *Хольмгард* – древнескандинавское обозначение Новгорода.
- 22 *Пальтескью* – Пальтескья – древнескандинавское наименование Полоцка.
- 23 *в Восточные Страны* – Austrvegr – букв. «Восточный путь» – страны, лежащие к востоку от Скандинавии.
- 24 *Ярицлейв конунг был зятем Олава Шведского, он был женат на его дочери Ингигерд* – Олав Шведский (прозванный Шётконунгом), сын Эрика Победоносного и Сигрид Гордой (995–1020/1022). О женитбе конунга Гардарики Ярицлейва (князя Ярослава Мудрого) на шведской принцессе Ингигерд (на Руси получившей имя Ирина) рассказывается в «Саге об Олаве Святом» (гл. 93: *КЗ*, 234 сл.). Согласно записи в исландских анналах и хронологии «Круга Земного», этот брак был заключен в 1019 г.; описываемые в «Пряди об Эймунде» события должны были произойти вскоре после этого. (См. подробнее о браке Ярослава Мудрого и связанной с этим дискуссией в исторической литературе в кн.: *Джаксон Т.Н.* Указ. соч. С. 156 сл., 161, примеч. 5.)
- 25 *предложение жить в мире внутри страны* – Речь идет о соглашении с морскими разбойниками (викингами), которые давали обязательство не подвергать разграблению ту или иную местность при условии, что ее жители предоставляли им приют и право вести торговлю; такая территория обозначалась юридическим термином *fríðland* – букв. «мирная земля» (см.: *Джаксон Т.Н.* Указ. соч. С. 164, примеч. 18).
- 26 *выплачивать каждому нашему воину эйрир серебра* – В XI в. в Скандинавии эйрир (унция) был равен примерно 27 граммам. Вопрос о том, насколько реалистичен указанный в пряди размер денежного вознаграждения норвежских наемников, остается спорным (см.: *Джаксон Т.Н.* Указ. соч. С. 164 сл., примеч. 23).
- 27 *Ярицлейв конунг отдал в их распоряжение каменный покой и приказал завести его стены драгоценными тканями* – Сообщение пряди о том, что норвежцам был отведен отдельный богато убранный каменный дом, нередко сопоставляют с сообщением Новгородской первой летописи младшего извода об избиинии новгородцами варягов «в лѣто 6524» (т. е. в 1016 г.) в некоем «Поромонѣ дворѣ», предположительно отведенном приехавшим в Новгород скандинавам («В Новѣгородѣ же тогда Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати; и начаша Варязи насиліе дѣяти на мужатыхъ женахъ. Ркоша новгородци: “сего мы насилья не можемъ смотрити”; и собрашася в ноць, исѣкоша Варязы в Поромонѣ дворѣ; а князю Ярославу тогда в ту ноць суцу на Раккомѣ. И се слышавъ, князь Ярославъ разгнѣвася на гражаны, и собра вои славы тысящу, и, обольстивъ ихъ, исѣче, иже бяху Варязы ти исѣклѣ; а друзии бѣжаша изъ града». Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 174 (Интернет-ресурс: <http://www.lrc-lib.ru/>); подробнее об этом см.: *Джаксон Т.Н.* Указ. соч. С. 165, примеч. 26). В «Повести временных лет» неоднократно сообщается, что Яро-

слав призывает на службу варягов – в 1015 г., в 1018 г. и в 1024 г.; лишь в последней из этих записей, касающейся уособицы между Ярославом и Мстиславом, упоминается имя скандинавского военачальника – Якун (= Хакон): «пришел Ярослав в Новгород, и послал за море за варягами. И пришел Якун с варягами, и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан... И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море» (пер. Д.С. Лихачева: Повесть временных лет. С. 46).

28 *Сдается мне, у нас отличное войско, оно и велико, и надежно* – Издатель пряди, Э. Гардинер (FS, 222), предполагает, что дважды появляющееся в исландском тексте слово *lidskost* – «войско, военная сила» – результат ошибки переписчика. Он считает, что в первом случае в оригинале было употреблено слово *lidsmun* – «численное превосходство», поскольку именно об этом идет речь в ответной речи Эймунда. В таком случае эта фраза должна звучать следующим образом: «Сдается мне, что на нашей стороне численный перевес, и войско наше велико и надежно».

29 Первый из эпизодов, повествующих об уособицах между сыновьями князя Владимира, находит довольно близкое соответствие в сообщениях «Повести временных лет» о битве под Любечем (1016 г.), что, судя по всему, указывает на историческую основу сюжета пряди, а также на использование при ее создании устной традиции, по-видимому, восходившей к рассказам скандинавов, которые побывали на Руси и, возможно, даже являлись участниками описываемых событий. В обоих источниках воинственный брат (Бурицлав – Святополк), сидящий после смерти отца в Кэнугарде – Киеве, стремится подчинить себе все русские земли и вступает в конфликт с Ярицлейвом – Ярославом, который мобилизует против него свое войско, включая находившуюся у него на службе варяжскую дружину. Дружины братьев сходятся у реки, по обе ее стороны, и стоят там, ничего не предпринимая, некоторое время (в исландском рассказе говорится о четырех днях, в летописи – о трех месяцах), причем в обоих случаях Ярицлейва – Ярослава приходится понуждать вступить в бой. В ходе следующей за этим стоянием битвы, новгородский князь обращает вражеское войско в бегство, после чего его брат вынужден искать себе союзников (ср. соответствующие сообщения «Повести временных лет»: «В год 6523 (1015)... Святополк сел в Киеве по смерти отца своего... И стал Святополк думать: “Перебью всех своих братьев и стану один владеть Русскою землею”... пришла ему (т. е. Ярославу. – Е.Г.) весть из Киева от сестры его Предславы: “Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, а на Глеба послал, берегись его очень”... И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов 40 000, и пошел на Святополка, призвав Бога в свидетели своей правды... Услышав же, что Ярослав идет, Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу на тот берег Днепра, а Ярослав был на этом. В год 6524 (1016). Пришел Ярослав на Святополка, и стали по обе стороны Днепра, и не решались ни эти на тех, ни те на этих, и стояли так три ме-

сяца друг против друга. И стал воевода Святополка, разъезжая по берегу, укорять новгородцев, говоря: “Что пришли с хромцом этим? Вы ведь плотники. Поставим вас хоромы наши рубить!” Слыша это, сказали новгородцы Ярославу, что “завтра мы переправимся к нему; если кто не пойдет с нами, сами нападем на него”. Наступили уже заморозки, Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиной своей. Ярослав же с утра, исполнив дружину свою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега, и пошли друг против друга, и сошлись в схватке. Была сеча жестокая, и не могли из-за озера печенеги помочь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили на лед, и подломился под ними лед, и стал одолевать Ярослав, видев же это, Святополк побежал, и одолел Ярослав. Святополк же бежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском...», пер. Д.С. Лихачева: Повесть временных лет. С. 41–44).

30 *в Бьярмаланде* – Бьярмаланд (Бьярмия) – область на севере Восточной Европы, нередко локализуемая на западном побережье Белого моря (см. подробнее: Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 197–200); название населяющего эту страну народа, бьярмы (*bjarmar*), соответствует русск. Пермь. Саксон Грамматик характеризует бьярмов как неистовых воинов. Согласно «Повести временных лет», союзниками Святополка (Бурицлава) в его борьбе с Ярославом были печенеги [ср.: (год 1018) «И пошел Ярослав на Святополка, и бежал Святополк к печенегам»].

31 *валить деревья... казалось, будто там нетронутая земля* – Р. Кук обращает внимание на то, что первое приказание Эймунда – установка на городских стенах срубленных деревьев ветвями наружу в качестве защиты от снарядов – вступает в явное противоречие с его последующим распоряжением, согласно которому женщинам надлежало подняться на стены и продемонстрировать врагу свои золотые украшения (см. след. примеч.); не случайно в дальнейшем, описывая оборону города, рассказчик уже не упоминает об использовании древесных заграждений, сведения о которых, как полагает Р. Кук (*Cook R. Russian history... P. 78 f., n. 65*), могли быть почерпнуты автором пряди из какого-то постороннего источника. О рытье рвов, как о военной хитрости, предпринимаемой осаждаемыми против вражеской конницы и пеших воинов, сообщает ряд древних и византийских авторов, при этом греческий писатель Эней Тактик (IV в. до н. э.) в трактате «О перенесении осад» (§ XXXIX) прямо говорит о маскировке рва. Этот же мотив встречается в былинне «Илья Муромец и Калин-царь»: здесь идущие на Киев татары роют три «подкопа», чтобы богатырь упал в них вместе со своим конем.

32 *взойти на крепостные стены... чтобы их было получше видно* – Кроме пряди этот мотив известен также из нескольких саг, однако в отличие от рассказа об Эймунде, подобная провокация со стороны осажденных неизменно приводит к их поражению. В «Саге о Хрольве сыне Гаутрека» (гл. 13) обороняющие осаждаемую гаутами крепость Улларакр шведы выходят на крепостные стены с мехами, шелками и «множеством других ценных вещей» и демонстрируют

все эти богатства врагам, дразня их, осыпая оскорблениями и насмешками и предлагая завладеть их имуществом. Аналогичные сцены встречаются в «Саге о Рагнаре Лодброке» (гл. 13), где описывается осада сыновьями Рагнара города Вифильсборга (Vífilsborg), а также в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» (гл. 6: КЗ, 483). В последней рассказывается об осаде и взятии конунгом Сигурдом Крестоносцем острова Форминтерра (1108 г.), обороняемого «черными язычниками». Увидев, что норвежцы не решаются идти на приступ, «язычники вынесли на стену парчовые одеяния и другие драгоценности, махали ими норвежцам и кричали им, подбадривая их и упрекая их в трусости». Как полагает Р. Кук (*Cook R. Russian history... P. 80 ff.*), все эти сцены в сагах в конечном счете могут восходить к устным рассказам, занесенным в Скандинавию с юга через Византию «по варяжскому пути», в основе же их могло лежать событие, действительно имевшее место при осаде итальянского города Бари герцогом Робертом Гвискарсом в 1067–1071 гг. По сообщению норманнского хрониста Джеффри Малатерры, жители Бари, желая выказать презрение к действиям герцога, демонстрировали врагу драгоценные ткани из своих сокровищниц и осыпали его оскорблениями. Поскольку варяги (т. е. скандинавские наемники, служившие в Византии) принимали активное участие в столкновениях в Бари и на прилегающих к нему территориях в 1041 и 1071 г., по мнению Р. Кука, они вполне могли принести этот рассказ сперва в Византию, а оттуда на север Европы. (Ср. также отголоски этого мотива в «Саге о названных братьях», гл. 16, где речь идет не об осаде, а о заманивании врагов с целью их убийства.)

33 конунг был тяжело ранен в ногу – Сообщение о ранении Ярицлейва в ногу может быть сопоставлено с упоминанием о хромоте русского князя в «Повести временных лет», относящимся ко времени первого столкновения братьев (1016 г.), где воевода Святополка, провоцируя новгородцев, называет Ярослава «хромцом» (см. примеч. 29). Согласно Тверской летописи, Ярослав был хромым от рождения. Не исключено, что рассказ пряди был призван объяснить хромоту русского князя, о которой рассказчику могло быть известно из устного предания (см.: *Джаксон Т.Н.* Указ. соч. С. 168, примеч. 34).

34 турки и валахи – «Турками» (*tyrkir*) скандинавы именовали кочевые народы Юго-Восточной Европы (см.: *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 218); древнерусские источники называют союзниками Святополка печенегов. *Валахи*, или *влахи* (др.-исл. *blökumenn*, где *blöku* восходит к греч. *Βλάχα*), – средневековое название романоязычного населения современных Молдавии и Румынии. Византийский писатель XI в. Кекавмен характеризует валахов как племя, отличающееся крайней неверностью. Е.А. Мельникова (*Мельникова Е.А.* Композиция и состав «Саги об Эймунде сыне Хринга». С. 262) отмечает, что и тюрки, и *blökumenn* «принадлежали к народам, обитавшим в неизвестных скандинавам областях на краю скандинавской ойкумены, и потому представлялись наделенными “чудовищными” качествами. Победа именно над такими противниками, почти чудовищами, достойно увенчивает воинские подвиги Эймунда».

35 *исландец, которого звали Бьёрн, Гарда-Кетиль* – Высказывалось предположение, что «исландец по имени Бьёрн» мог быть не кем иным, как исландским скальдом Бёрном сыном Арнгейра по прозвищу Герой из Хитдаля (ум. 1024 г.), и что именно от него исландцы могли узнать историю взаимоотношений Эймунда с русскими князьями. В «Саге о Бьёрне Герое из Хитдаля» (гл. 4) сообщается о том, что в юности он был в Гардарике у Вальдамара конунга. Упоминаемый вслед за Бьёрном *Гарда-Кетиль*, как полагают, мог быть тем самым исландцем, которому отводится весьма значительная роль в «Саге об Ингваре Путешественнике», где в частности говорится, что Гарда-Кетиль вернулся затем в Исландию и первым поведал там о походе Ингвара (Сага об Ингваре Путешественнике. С. 270).

36 *одевается нищим, подвязывает себе козлиную бороду и отправляется в путь, захватив с собой два посоха* – Ср. аналогичный мотив в «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде» (*ИС, II, 450*), а также в «Саге о Хромунде сыне Грипа» («*Hrómundar saga Gripssonar*», ch. 2): *Hann tekr sér kylfu í hönd, bindr sér grátt ok sítt geitarskegg* – «Он (Хромунд) берет в руку палку, подвязывает себе длинную серую козлиную бороду...» (Интернет-ресурс: <http://www.snerpa.is/net/forn/hrom.htm>).

37 Мотив убийства при помощи согнутого дерева восходит к античной мифологии – сообщению об убийстве Тесеем греческого разбойника Синиса, прозванного «сосногибателем»: согласно Аполлодору (Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 75: кн. III, гл. XVI, 2), «он заставлял прохожих держать за вершины согнутые сосны. Но им не хватало сил выдержать это, и, подброшенные деревом, они погибали жалким образом»; ср. упоминание об этом в «Метаморфозах» Овидия: «Мертв и Синис, во зло применявший великую силу, – / Перегибавший стволы, до земли наклоняющий сосны, / Чтоб, разорвав, разметать широко телеса человечьи» (кн. VII, ст. 440–442; *пер. с лат. С.В. Шервинского*: Овидий. Метаморфозы. М., 1977. С. 180). Саксон Грамматик (кн. VII) приводит аналогичную историю о свирепом русском разбойнике *Rothe*, который расправлялся со своей жертвой, привязывая ее правую ногу к земле, а левую к суку, при разгибании разрывавшем ее пополам. Остается неясным, восходит ли рассказ Саксона к книжным источникам, или к устной традиции, занесенной в Скандинавию с юга, не исключено что «по варяжскому пути» (как и предшествующие военные хитрости Эймунда). Так, византийский историк X в. Лев Диакон сообщает, что такой же смерти был подвергнут русский князь Игорь Рюрикович. Согласно его «Истории», император Иоанн Цимисхий предостерегал предводителя «росов» Сфендослава (Святослава), напоминая ему о бесславной кончине его отца, Ингоря (Игоря): «Не упоминаю я уж о его [дальнейшей] жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев, он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое» (кн. VI, 10; Интернет-ресурс: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/701>). В «Повести временных лет» (год 945) никаких деталей убийства Игоря древлянами вследствие его попытки вторично собрать с них дань не упоминается, сказано лишь,

что «древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружинников его, так как было их мало», однако можно предполагать, что версия гибели Игоря, изложенная Львом Дьяконом, имела хождение на Руси. Параллелью к рассказу об убийстве Бурицлава в «сагах о конунгах» может быть также описание Снорри убийства конунга Агни в «Саге об Инглингах» (гл. 19: КЗ, 20), где фигурирует тот же набор предметов – веревка, дерево и шатер, хотя используются они иначе: «Когда Агни конунг опьянел, Скъяльв сказала ему, чтобы он поберег гривну, которая была у него на шее. Тогда он крепко привязал гривну к шее и лег спать. А шатер стоял на опушке леса, и над шатром было высокое дерево, которое защищало шатер от солнечного жара. Когда Агни конунг зазнул, Скъяльв взяла толстую веревку и привязала к гривне. Ее люди опустили шесть палатки, закинули веревку на ветви дерева и потянули так, что конунг повис под самыми ветвями. Тут ему пришла смерть». Как отмечает Р. Кук (*Cook R. Russian history... P. 82–84*), исследовавший все вышеприведенные параллели, в «Пряди об Эймунде» мотив распрямляемого дерева, несмотря на его явное заимствование, используется совершенно по-новому: не в качестве метода жестокого умерщвления, но как хитроумный способ добраться до противника с целью его последующего убийства, и, таким образом, призван в очередной раз продемонстрировать смекалку Эймунда. Между тем высказывалось мнение, что непосредственным прототипом данного эпизода в «Пряди об Эймунде» могло послужить предание об убиении князя Бориса Владимировича, в котором присутствует и мотив золотой гривны (ср. Агни), и мотив возвращения князя из похода, и мотив установки шатра и укладывания спать, и мотив прихода небольшой группы убийц в позднее время, и мотив обезглавливания. Подробно сопоставляя описания убийства Бурицлава и конунга Агни, с одной стороны, и древнерусский рассказ об умерщвлении Бориса – с другой, – на ряд параллелей между этими текстами отчасти обращали внимание и раньше, – С.М. Михеев приходит к выводу, что их сходство «может объясняться только тем, что и рассказ об убийстве Бурицлава в «Эймундовой пряди», и летописное описание убийства Бориса восходят к устной легенде о гибели Бориса» (*Михеев С.М. Указ. соч. С. 225; см. 212–254*).

38 *Конунг покраснел, когда увидел голову* – Эта сцена, судя по всему, основана на аналогичном эпизоде «Саги о Харальде Суровом» Снорри Стурлусона (гл. 49: КЗ, 430). В нем рассказывается об Асмунде, племяннике и любимце датского конунга Свейна, который, после того как он получил от конунга «богатство», собрал большое войско и стал чинить бесчинства, грабя и убивая народ, причем все попытки утихомирить его не давали результатов. Когда же люди явились к конунгу с жалобами на причиненный им ущерб, тот заявил, что они должны обращаться с этим к Хакону сыну Ивара (знатному норвежцу, вынужденному из-за размолвки с конунгом Харальдом покинуть родные края и перебраться в Данию), который был назначен им защитником страны и в чьи обязанности входило охранять бондов от нападений викингов: «Мне говорили, что Хакон смелый и мужественный человек, но теперь, думается мне, он ста-

рается избежать всего, что кажется ему опасным». Слова конунга передал Хакону, «много прибавив», после чего тот отплыл со своим войском на поиски Асмунда, а найдя его, вступил с ним в рукопашный бой и сразил. «Хакон отрубил ему голову. Затем Хакон поспешил к Свейну конунгу и прибыл к нему в то время, когда конунг сидел за столом. Хакон подошел к столу, положил голову Асмунда перед конунгом и спросил, узнает ли он ее. Конунг не отвечал, но густо покраснел». Р. Кук (*Cook R. Russian history... P. 74*) отмечает, что последовательные совпадения между двумя эпизодами – саги и рассказа об Эймунде – касаются не только деталей сцены демонстрации отрубленной головы, но и всего контекста в целом. В обоих случаях правитель (Ярицлейв и Свейн), чьи владения подвергаются неоднократным нападениям со стороны воинственного родича (Бурицлав и Асмунд), поощряет находящегося у него на службе чужестранца (Эймунд и Хакон) избавить его от опасного родича, а после того, как это поручение было выполнено, багровеет от гнева при виде головы поверженного врага и в конечном счете вынуждает чужестранца, оказавшего ему эту услугу, оставить службу: в саге конунг Свейн вскоре после убийства Асмунда передает Хакону, что сам он «не намерен причинять ему никакого зла», однако не может поручиться за всех своих родичей, в результате чего Хакон уезжает назад в Норвегию, в пряди конунг Ярицлейв припоминает Эймунду убийство брата, и это становится одной из причин их разрыва.

39 *счастливо оставаться, государь!* – Как неоднократно отмечалось в литературе, историческую подоплеку могут иметь и сообщения пряди о нежелании Ярицлейва выплачивать жалование дружине Эймунда: хотя в «Повести временных лет» нет упоминаний о том, что Ярослав не платил варяжским наемникам, в ней имеется запись об аналогичном поведении его отца, Владимира. Согласно этому сообщению, последний пообещал однажды захватившим для него город варягам уделить им часть дани, однако не сдержал своего слова, после чего варяги пожелали уйти от него к грекам.

40 *в сопровождении Рёгнвальда ярла сына Ульва* – Ярл Рёгнвальд – бывший правитель Гаутланда. По настоянию Ингигерд, дочери конунга, Рёгнвальд уехал вместе с ней на восток в Гардарики, когда она вышла замуж за конунга Ярицлейва. Согласно сообщению Снорри Стурлусона, «Ингигерд конунгова жена пожаловала Рёгнвальду ярлу Альдейгьюборг (Старую Ладогу. – Е.Г.), и он стал ярлом всей той области. Рёгнвальд ярл правил там долго, и о нем ходила добрая слава» (гл. 93: КЗ, 235).

41 *Описанная сцена* находит параллели в двух «семейных сагах». В «Саге о людях из Лососьей Долины» («Laxdæla», гл. 75) рассказывается о том, как родичи Торстейн сын Кугги и Торкель сын Эйольва пытаются принудить Халльдора сына Олава продать его хутор Стадный Холм. «И когда день подходил к концу, Торстейн предложил Халльдору, чтобы они все вместе приступили к важной беседе: “У нас есть к тебе дело”. Халльдор ответил, что он готов к этому. Торстейн сказал своим спутникам, что не нужно сопровождать их. Однако Бейнир тем не менее пошел с ними, потому что ему казалось, что все

происходит именно так, как Халльдор подозревал. Они отошли довольно далеко по огороженному лугу перед домом. Халльдор был одет в тесно облегчающий плащ с большой пряжкой, как тогда было принято. Халльдор присел на землю, а справа и слева от него оба его родича, и они сели на его плащ, и прижались к нему как можно ближе, а Бейнир стоял за ними, и в руке у него была большая секира». Однако еще до встречи со своими посетителями, Халльдор догадался, как они будут действовать, и послал за подмогой, сам же поначалу, чтобы протянуть время, притворился, что не противится сделке, но затем стал проявлять несговорчивость, а когда Торстейн стал ему угрожать, «Халльдор так стремительно вскочил на ноги, что пряжка его плаща сломалась», и так ему удалось вырваться из рук своих недругов (см. *ИС*, I, 402–403; пер. В.Г. Адмони и Т.И. Сильман). По мнению Р. Кука (*Cook R. Russian history... P. 73*), использование аналогичного мотива в сцене беседы Эймунда с Ингигерд и Рёгнвальдом едва ли случайно и может объясняться заимствованием из той же устной традиции, к которой восходит сцена в «*Laxdæla*». Иной исход схожей сцены описан в «*Саге о Курином Торире*» (гл. 10). Здесь подобным же образом ведут себя явившиеся к Гуннару сыну Хлив ночные гости – Торкель Бахрома и его спутники, которые приезжают для того, чтобы, если понадобится, силой принудить его выдать за Херстейна его дочь Турид и тем самым заручиться его поддержкой в деле против убийц отца Херстейна, Кетилы Сони, причем новость об убийстве отца жениха сообщается будущему тестю лишь после обручения: «Торкель сказал: “Сядем здесь, потому что нам есть о чем поговорить с тобой, Гуннар”. Они так и делают, садятся по обе руки от него, и так близко, что они сидят на плаще Гуннара» (Исландские саги. М., 2000. С. 30; пер. А.В. Циммерлинга). Затем Торкель недвусмысленно дает понять Гуннару, что не оставляет ему выбора, и он должен, не сходя с места, дать согласие на этот брак. (См. также: *Джаксон Т.Н. Указ. соч. С. 170*, примеч. 42.)

42 *увезти их* – Под «ними» имеются в виду конунгова жена и Рёгнвальд ярл: в оригинале употреблено местоимение среднего рода (rau), указывающее на группу, состоящую из лиц обоего пола.

43 *готовятся к сражению* – В древнерусских источниках нет сведений об участии полоцкого князя Брячислава в борьбе за киевский стол, однако «Повесть временных лет» упоминает о конфликте Брячислава с Ярославом в 1021 г.: «Пришел Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, на Новгород, и взял Новгород, и, захватив новгородцев и имущество их, пошел к Полоцку снова. И когда пришел он к реке Судомири, и Ярослав из Киева на седьмой день нагнал его тут. И победил Ярослав Брячислава, и новгородцев воротил в Новгород, а Брячислав бежал к Полоцку» (пер. Д.С. Лихачева: *Повесть временных лет. С. 45*). Не исключено, что за данным эпизодом пряди стоят воспоминания об этих событиях (см.: *Мельникова Е.А. Композиция и состав «Саги об Эймунде сыне Хринга»*. С. 264).

44 *самая лучшая часть Гардарики, а именно Хольмгард. Вартилаву же отойдет Кэнугард* – Ранее в пряди говорилось, что «лучшая область во всей Гардарике» – это Кэнугард. Как отмечалось (*Джаксон Т.Н. Указ. соч. С. 172*,

примеч. 47), Хольмгард и Кэнугард служат здесь обозначениями княжеств. Брячислав Изяславич (Вартилава) никогда не правил в Киеве, но оставался князем полоцким (см. след. примеч.).

45 *получит Эймунд конунг, он станет тамошним правителем* – Сообщение о передаче Полоцкого княжества варяжскому военачальнику не имеет под собой исторической подопретки: с конца X в. там правили потомки князя Владимира. Согласно «*Повести временных лет*», Брячислав княжил в Полоцке вплоть до своей смерти (в 1044 г.), и после него «Всеслав, сын его, сел на столе его».

46 *Альдейгьюборг* – древнескандинавское обозначение Ладоги. Непосредственно перед рассказом об Эймунде в гл. 94 «*Саги об Олаве Святом*» (*Flat*. II, 117) говорилось о том, что Ингигерд пожаловала Рёгнвальду Альдейгьюборг, который был получен ею в качестве свадебного дара, и он стал ярлом всей той области, «правил там долго, и о нем ходила добрая слава».

47 *Вартилава конунг прожил не более трех зим* – Согласно «*Повести временных лет*», Мстислав умер в 1036 г., т. е. спустя 10 лет, а Брячислав – в 1044 г., т. е. спустя почти 20 лет после того, как, по сообщению летописца (1026 г.), родители «разделили по Днепру Русскую землю... и начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране».

48 *Ярицлейву конунгу, и с той поры он стал в одиночку править обеими державами* – Как сказано в «*Повести временных лет*», после того, как Мстислав «вышел на охоту, разболелся и умер» (1036 г.), «завладел всем его владением Ярослав и стал самовластцем в Русской земле». Ярослав оставался великим князем киевским до своей смерти в 1054 г.

49 *Рёгнвальд сын Ульва... с Ингигерд конунговой женой были двоюродными братом и сестрой, их матери были сестрами* – Из других источников следует, что ярл Рёгнвальд был родичем Ингигерд по отцовской линии: отец Рёгнвальда, Ульв сын Скёглар-Тости, был родным братом Сигрид Гордой, матери Олава Шведского и бабки Ингигерд. Согласно «*Легендарной саге об Олаве Святом*» (*ÓHLeg*, кар. 46: bls. 34), матерью Ингигерд была вендка Астрид (иначе – Эдла). Не исключено, однако, что автор пряди смешивает здесь ярла Рёгнвальда с Эймундом сыном Аки, персонажем «*Саги об Ингваре Путешественнике*»: Эймунд и Ингигерд были двоюродными братом и сестрой (см. примеч. 3 и 51).

50 *когда святой Олав сын Харальда был в Гардарике* – Конунг Олав бежал на Русь в 1029 г. после вторжения в Норвегию датского конунга Кнута Могучего, к которому примкнула большая часть норвежской знати. Как принято считать, выбор Гардарики для временного убежища был связан с родственными связями: Олав и Ярослав были женаты на сестрах – Астрид и Ингигерд соответственно. Получив известие о гибели ярла Хакона, ставшего правителем Норвегии после его бегства, Олав в 1030 г. возвратился назад и попытался вернуть себе власть, однако погиб в битве при Стикластадире. Покидая Русь, Олав оставил у Ярослава своего сына Магнуса (Доброго), будущего конунга Норвегии (об источниках, сообщающих о пребывании Олава на Руси, см.: *Джаксон Т.Н. Указ. соч. С. 178–185*).

- ⁵¹ *потому что они любили друг друга тайной любовью* – Остается не вполне ясным, относится ли это утверждение к взаимоотношениям Ингигерд с ярлом Рёгнвальдом или же речь идет о тайной привязанности, которая связывала русскую княгиню и Олава сына Харальда. Херман Паульссон и П. Эдвардс (*Vikings in Russia*. P. 10) уверены в том, что эта фраза относится к Ингигерд и Рёгнвальду, в связи с чем высказывают предположение, что если только это сообщение не восходит к некому неизвестному источнику, рассказчик, всего вероятнее, смешивает Рёгнвальда с персонажем «Саги об Ингваре Путешественнике» Эймундом сыном Аки (см. примеч. 3): в этой саге (гл. 2) говорится о том, что в юности Ингигерд и Эймунд очень любили друг друга «по причине родства», а также «потому, что она была хороша во всех отношениях», а затем рассказывается о том, как Ингигерд разыскала раненного Эймунда в лесу, увезла его и приказала тайно лечить; далее говорится, что, узнав о том, что Ингигерд стала женой Ярицлейва, Эймунд сразу же отправляется в Гардарики (Сага об Ингваре Путешественнике. С. 251 сл.). Все эти сообщения «Саги об Ингваре», однако, недостаточно вняты, чтобы судить о том, носили ли отношения между Ингигерд и Эймундом романтический характер. Более обоснованным представляется мнение, что фраза о тайной любви относится к Ингигерд и норвежскому конунгу Олаву, поскольку она согласуется с рассказом «Саги об Олаве Святом» о несостоявшемся по вине отца Ингигерд, Олава Шётконунга, браке Олава сына Харальда и шведской принцессы (см. об этом в «Саге об Олаве Святом», гл. 87–90: КЗ, 227–230).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ИС* – Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. I–II.
КЗ – *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. М., 1980.
МЭ – Младшая Эдда. М., 1994.
Flat. – *Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. I–III.*
FS – *Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / Ed. E. Gardiner. Reykjavík, 1949.*
ÓHLeg – *Olafs Saga hins Helga. En kort Saga om Kong Olaf den Hellige fra anden Halvdeel af det tolfte Aarhundrede / Udg. R. Keyser og C.R. Unger. Christiania, 1849.*
Skj – *Den norsk-islandske skjaldedigtning (A I–II: Tekst efter håndskrifterne; B I–II: Rettet tekst) / Udg. ved Finnur Jónsson. 2. udg. København, 1967–1973.*

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

*Перевод с древнеисландского
и комментарии Е.А. Гуревич*